
ГЛАВА ПЯТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Московские соборы 1666 и 1667 годов. - Соловецкое возмущение. - Козацкие движения на восточной Украине и причины их. - Воровство на Волге. - Городок Рига. - Возмущение Васьки Уса в воронежских и тульских местах. - Стенька Разин. - Его воровство на Волге. - Разин в Яицком городке. - Его морской поход. - Стенька в Астрахани с повинною. - Впечатление, им здесь произведенное. - Стенька бушует в Царицыне. - Вызов его воеводам. - Разин на Дону. - Его вторичный поход на Волгу. - Взятие Царицына. - Разбитие московских стрельцов. - Измена стрельцов астраханских. - Взятие Астрахани и кровавые следствия. - Приход Разина под Симбирск и отступление князя Борятинского. - Вторичный приход Борятинского, под Симбирск и поражение Разина. - Бунт по всей восточной Украине. - Движения Мишки Харитонова, Васьки Федорова и Максима Осипова. - Осада Желтоводского монастыря. - Волнения в Нижнем Новгороде. - Главный воевода князь Юрий Долгорукий. - Удачные действия воевод Леонтьева и Щербатова. - Действия воеводы Якова Хитрово. - Движения Долгорукого. - Победы Борятинского на Урени, Кандаратке и у Тургенева. - Победы Щербатова, Хитрово, Леонтьева и Данилы Борятинского. - Неудача Разина на Дону. - Он схвачен и казнен в Москве. - Действия козаков в Астрахани. - Гибель митрополита Иосифа. - Неудача козаков под Симбирском. - Сдача Астрахани воеводе Милославскому. - Осада Соловецкого монастыря. - Его взятие.

Еще в то время, как участь Никона не была решена, еще до приезда патриархов восточных, собор духовенства русского решил участь противников Никона, которые ратовали против его новшеств, против исправления книг. В феврале 1666 года десять архиереев решили предварительно признавать православными патриархов греческих, несмотря на то что они живут под властью султана; признавать православными и греческие книги, ими употребляемые; наконец, признавать правильным Московский собор 1654 года. Вятский епископ Александр, архимандрит Спасского Муромского монастыря Антоний, игумны - Златоустовского монастыря Феоктист и Бизюкова Сергей Солтыков; монахи - Ефрем Потемкин, Сергей, Серапион, Григорий (Иоанн Неронов), поп Никита принесли собору покаяние в сопротивлении своем новоисправленным книгам и получили разрешение. Нераскаившиеся были преданы анафеме и наказаны: протопоп Аввакум заточен в Пустоозерский острог; дьякон Феодор и после поп Лазарь лишены языка и сосланы туда же. В одиннадцать заседаний дело об исправлении книг было окончено: написали наставление духовенству с увещанием употреблять новоисправленные книги, а во всех спорных пунктах относительно крестного знамения, аллилуйи и проч. сообразоваться с восточною

православною церковью. Кроме того, собор рассмотрел и издал *Жезл Правления*, книгу ученого белорусского монаха Симеона Полоцкого, направленную против раскольников. Восточные патриархи, осудившие Никона, вместе с новым московским патриархом Иоасафом II подтвердили определения собора 1666 года; тут же решено было не перекрещивать латын при переходе их в православие. Антиохийский патриарх Макарий с дороги из Макарьевского Желтоводского монастыря писал в Москву к патриарху Иоасафу: "В здешней стране много раскольников и противников не только между невеждами, но и между священниками: вели их смирать и крепким наказанием наказывать".

Эти меры пришлось принять против одного из самых знаменитых монастырей в государстве. Мы уже упоминали о смуте, происшедшей в Соловках по поводу новоисправленных книг. В то самое время, как вопрос об этих книгах окончательно решался в Москве, соловецкие монахи опять напомнили о себе челобитьем на нового архимандрита своего, Варфоломея, и "на угодника его, а монастырю владельца, келаря Савватия Обрютина, которые пьянственным и всяким нестройным житием устав и чин св. Зосимы и Савватия нарушили и во всю Русскую землю св. обитель сотворили бесчестну и поносну, священников и дьяконов и рядовую братью напрасно плетями бьют насмерть, в тюрьмы глухие сажают, голодом морят и, ограбив, вон высылают из монастыря, чтоб про них впредь никто ничего не говорил". В 1666 году Варфоломей был вызван в Москву и подал сказку: "В 1663 году в январе месяце призвал я в алтарь священников и дьяконов и говорил им, чтоб быть в пении и службе по указу великого государя и соборному изложению. В это время начал на меня кричать дьякон Нил: держись ты уставщика еретика попа Геронтия, да и сам ты еретик: он тебя ереси научил; Арсений Грек научил ереси патриарха Никона, а Никон научил ереси государя. За это дьякон Нил бит безо всякой пощады". Несмотря на то что Варфоломей указал причину нерасположения к себе соловецкой братии, его не хотели снова послать к ней архимандритом, дали ему другой монастырь, а в Соловецкий на его место поставили Иосифа, соловецкого же монаха.

Осенью 1666 года отправился в Соловецкий монастырь ярославского Спасского монастыря архимандрит Сергей. Он собрал монахов и прочел им указ государев, грамоты и наказ архиерейского собора. В ответ раздались крики: "Указу великого государя мы послушны и во всем ему повинемся, а повеления о символе веры, о сложении перстов, о аллилуии и новоизданных печатных книг не приемлем!" Тут встает Никанор, бывший архимандрит Саввина монастыря, живший в Соловках на покое; Никанор поднимает руку, складывает три первые пальца и кричит: "Это учение и предание латинское, предание антихристово, я готов пострадать! Да у вас теперь и главы, патриарха, нет, и без него вы не крепки!" "Выберите кого-нибудь, с кем бы можно было говорить без шума", - сказал Сергей монахам. "Геронтий! Геронтий!" - раздалось со всех сторон. Выступает Геронтий и начинает: "Зачем вы в молитве "Господи Иисусе!"

отъемлете сына божия?" Оратор был прерван страшным воплем: "Ох, ох! горе нам! отнимают у нас сына божия! где вы девали имя сына божия!" Когда крики утихли, Геронтий взял книгу с житием Евфросина, стал на стул, начал читать и увещевать: "Не прельщайтесь и не слушайте такового учения!" От этих речей встал мятеж и крик больше прежнего. С толпою нельзя было сладить; Сергей попробовал поговорить с Геронтием в келье при немногих свидетелях; но и этот спор кончился ничем; Геронтий говорил: "Прежде от Соловецкого монастыря вся Русская земля всяким благочестием просвещалась и ни под каким зазором Соловецкий монастырь не бывал, яко столп и утверждение и светило сиял; вы теперь новой вере от греков учитесь, а греческих архиереев самих к нам в монастырь под начал присылают, они креститься не умеют, мы их самих учим, как креститься". Сергей, чтоб сломить противника, прибег к страшному средству; он стал спрашивать: "Великий государь царь Алексей Михайлович благоверен ли, благочестив ли, и православен ли, и христианский ли царь?" "Благоверен, благочестив и православен", - отвечал Геронтий с товарищами. Сергей продолжал спрашивать: "А повеления его, к вам присланные, православны ли?" Застигнутые врасплох, принуждаемые или к противоречию, или к произнесению страшных слов против царских повелений, противники замолчали. Сергей продолжал: "Освященный собор православен ли?" "Прежде патриархи были православны, - отвечал Геронтий, - а теперь бог весть, потому что живут в неволе, а российские архиереи православны". "Соборное повеление, с нами присланное, православно ли?" - спрашивал Сергей. "Повеления соборного не хулим, - отвечал Геронтий, - а новой веры и учения не приемлем, держимся предания св. чудотворцев и за их предания хотим все умереть".

Сергию велено было взять из монастыря книги, которые будут годны к "соборному деянию", но монахи не пустили его в *книгохранительную* палату; росписи именам своим не дали. Сергей и товарищи его все время пребывания их на острове жили за монастырским караулом, а московские стрельцы подслушали, как мирские соловецкие люди переговаривали между собою: "Которые московские стрельцы теперь здесь, в монастыре, тем мы указ учиним, и которые за монастырем в ладьях, и тех захватим, будто морем разбило: следует их побить камнем, потому что посланы от антихриста прельщать нас".

Но монахи попытались, нельзя ли отстоять свои убеждения, не прибегая к силе, не разрывая с верховною властью; они послали к царю челобитную: "Бьют челом богомольцы твои государевы: Соловецкого монастыря келарь Азарий, бывший Саввина монастыря архимандрит Никанор, казначей Варсанофий, священники, дьяконы, все соборные чернецы и вся братия рядовая и болничная и служки и трудники все. Прислан с Москвы к нам *архимандрит* Сергей с товарищи учить нас церковному преданию по новым книгам и во всем велят последовать и творить по новому преданию, а предания великих святых апостол и св. отец седми вселенских соборов, в коем прародители твои, государевы, и начальники преподобные отцы

Зосима, и Савватий, и Герман, и преосвященный Филипп-митрополит, ныне нам держаться и последовать возбраняют. И мы чрез предания св. апостол и св. отец священные уставы и церковные чины пременять не смеем, понеже в новых книгах выходу Никона-патриарха, по которым нас учат новому преданию, вместо Иисуса написано с приложением излишней буквы Иисус, чего страшно нам, грешным, не точию приложить, но и помыслити" и т. д. "Милосердый государь! помилуй нас, нищих своих богомольцев, не вели *архимандриту* Сергию прародителей твоих и начальников наших, преподобных Зосимы, Савватия, Германа и Филиппа, предания нарушить, и вели, государь, нам в том же предании быть, чтоб нам врознь не разбрестись и твоему богомолию украинному и порубежному месту от безлюдства не запустеть". Вслед за этою челобитною монахи дали знать в Москву, что они за предания великих чудотворцев готовы с радостию смерть принять, и многие старцы, готовясь на тот вечный путь, посхимились.

Никанор был вызван в Москву; но здесь, как видно, повел себя иначе, дал обещание перед собором ни в чем не прекословить и, кого прежде прельщал, тех приводить на путь истинный. В надежде на это его снова отправили в Соловки в 1667 году вместе с новым архимандритом Иосифом и старым - Варфоломеем, который ехал для сдачи монастыря. Но в июле месяце управляющий монастырем келарь Азарий и казначей Геронтий получают грамотку руки Фадейки Петрова, служки архимандрита Никанора. "Едут к вам, - пишет Фадейка, - новый архимандрит Иосиф, старый - Варфоломей и Никанор: смотрите, Иосифа к себе не принимайте, под благословение к нему не ходите и другим ходить запретите; он едет без государева указа, стакнувшись с бывшим архимандритом Варфоломеем". Грамота произвела желанное действие: Иосиф не был принят; но пуще всего досталось старому - Варфоломею: у него в соборной церкви изодрали клобук на голове, выдрали волосы; он слышал крики: "Когда собака вскочит в церковь, церковь святить надобно; а это тоже собака, хотя и ушибить его, то греха не будет, все равно что собаку ушибить".

Странная судьба царя Алексея Михайловича! Кто меньше его имел желания бороться с духовными лицами? И, несмотря на то, ему суждено было вынести на своей душе тяжелое бремя Никоновского дела и потом вести настоящую войну с Соловецким монастырем! Получив челобитную, царь посылает новые увещания; на них прежний ответ и прямо вызов на бой: "Вели, государь, на нас свой царский меч прислать и от сего мятежного жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие". Монахи вызывали мирскую власть на тяжелую борьбу, выставя себя беззащитными жертвами, без сопротивления подклоняющими головы под меч царский. Но когда в 1668 году под стенами монастыря явился стряпчий Игнатий Волохов с сотнею стрельцов, то вместо покорного подклонения голов под меч встречен был выстрелами. Такому ничтожному отряду, какой был у Волохова, нельзя было одолеть осажденных, у которых были крепкие стены, множество запасов, 90 пушек. Осада затянулась на многие

годы; государство не могло послать больших сил на Белое море: страшный бунт кипел на конце противоположном.

Выход известной части народонаселения в козаки продолжался и в описываемое время и должен был еще усилиться, ибо мы видели, как тяжело было состояние народа в тринадцатилетнюю войну. После присоединения Малороссии беглые крестьяне и холопы направились было сюда; но правительство московское не хотело признавать Малороссии козацкою странюю, постоянно требовало выдачи беглецов, и по-прежнему вольною *"сиротскою"* дорогою оставалась дорога на Дон, откуда не было выдачи. Но бедствия тринадцатилетней войны коснулись и Дона; крымцы загородили дорогу в море и навещали козаков в их жилищах. Азовское, Черное море заперты; чем же жить козакам, где добывать себе зипуны? Оставался один способ: переброситься на Волгу и ею выплыть в Каспийское море, погромить тамошние бусурманские берега. Но это не так было легко сделать. Прежде из Дона можно было выходить в море: Дон был в козацких руках, но устье Волги в руках у государства: оно не пустит козаков! И вот сначала образуются небольшие разбойничьи шайки на Волге; государство преследует их; отталкиваемые от выхода в море, они естественно опрокидываются внутрь государства, ищут здесь себе союзников в низших слоях народонаселения. Сперва это движение произошло в малых размерах; но потом, найдя способного вождя, образуется огромная шайка, прорывается в Каспийское море, громит бусурманские берега, возвращается с богатыми зипунами; но как возвратиться на Дон? государство не пропускает; надобно мнимую покорностию вымолить пропуск, обязавшись не ходить вторично на море; и действительно, как идти вторично? опять государство не пропустит, опять надобно будет пробиваться силою; удастся пробиться, удастся погромить бусурманские суда и берега; но как опять возвратиться? государства уже нельзя будет обмануть во второй раз, оно возьмет свои меры. Лишенная таким образом надежды гулять по Каспийскому морю, огромная шайка опрокидывается внутрь государства в надежде воспользоваться его неприготовленностью и поднять низшие слои народонаселения на высшие. Таков смысл явления, известного в нашей истории под именем бунта Стеньки Разина. Не забудем, что то же самое произошло на западной уkraine, когда Польша заперла козакам выход из Днепра в Черное море.

29 сентября 1659 года в саратовской приказной избе с озабоченным видом сидел воевода Данила Хитров; перед ним стоял прикащик московского купца Селиванова и рассказывал: "Ехал я из Астрахани на хозяйском соляном стругу вверх до Саратова, и, как был в царицынских водах от Саратова 170 верст, ночью приехали ко мне воровские козаки, человек с 80, били меня и пытали, на огне жгли, рабочих людей моих ограбили. В ту пору подплыли сверху в двух стругах черкесы, которые ехали с Москвы в Астрахань, уздени Казбулата мурзы князь Муцалова сына Черкасского, Муртоза Алексеев с товарищами; воровские козаки к тем черкесам

приступали, с ними и с служивыми людьми, которые были у черкес в гребле и в провожатых, был бой долгое время, черкесов козаки всех порубили, животы взяли и пошли с Волги-реки степью на Иловлю-реку, а чтоб грабежные животы нести, взяли они рабочих многих людей, которых потом отпустили, а иные пошли сами к ним охотою в козаки".

Выслушав рассказ, воевода отправил за разбойниками 200 человек конных и пеших стрельцов по нагорной стороне; стрельцы догнали козаков на реке Иловле за день пути до Дону, побили их, двоих взяли в плен, другие ушли по Иловле крепкими местами, займищами. Пленники с пытки и огня рассказали свою историю: "Зовут нас Кондрашка Ходеряхин и Нефедка Золотарев; родились мы в Соколинском городке и пошли на Дон своею охотою, жили в *Сиротском* (!) городке. Нынешнею весною ведомость нам учинилась от проезжих торговых людей, что объявились на Волге с Дону воровские козаки; вот мы летом и пошли из городка на реку Иловлю за зверем с капканами: отпустил нас донской козак Немытовский для зипуна. На дороге встретили мы 80 человек донских козаков и пристали к ним для воровства, были с ними в двух походах, по насадам и по стругам людей грабили, прикащиков били, мучили и огнем жгли. И воровав по Волге-реке, отъезжали мы с грабежными животами в свой воровской городок на Иловле, между козачьими городками Паншинским и Иловлинским, имя ему Рига; взять его летом до зимнего пути нельзя никак потому: пришли около городка со всех сторон воды".

Когда в Москве узнали о существовании этой новой Риги, на Дон пошла царская грамота: "Вы бы послали на тех воровских козаков и велели атамана и есаула с товарищами перехватить и привести к себе и учинить по войсковому праву казнь смертную". Царский приказ был исполнен: отряд верных козаков отправился к Риге; но воровские сели в ней насмерть, начали отстреливаться из пушек и переранили многих осаждающих; наконец последние взяли их за большим боем и подкопами, многих побили и живых захватили, городок сожгли и разорили совсем, а старшин их *забродчиков*, атаманишка Ивашку да есаулишка Петрушку с товарищи, 10 человек, привезли для вершенья к войску. Здесь собрался круг, воров расспросили и повесили, чтоб "впредь иным неповадно было так воровать, с таким воровством на Дон переходить, на войско и на всю реку напрасноеоглашенство наводить". "Эти воры, - писали донцы в Москву, - и на Дону во все лето торговых людей с Руси Доном ни одной будары с запасами к нам не пропустили, брали запасы у них грабежом; только бы, государь, да не твоя милость и жалованье, то нам пришлось бы с голоду помирать".

Рига была взята; но вести о козацких разбоях на Яике и на Каспийском море не прекращались, потому что донцы не переставали жаловаться: "Теперь у нас на Дону добычи никакой нет, на море ходить стало нельзя, реку Дон и Донец с нижнего устья крымский хан закрепил, государева жалованья на год не станет". Летом 1666 года искатели зипунов затеяли

дело поопаснее волжских разбоев. Шайка в 500 человек под начальством атамана Васьки Уса разбойничала в воронежских и тульских местах, подговаривала крестьян и холопей, разоряла помещиков и похвалялась всяким дурном. Донцы писали государю, что они учинили Усу с товарищами наказанье жестокое без пощады. Наказанье не подействовало, если только было учинено: Ус приготавлился к новым подвигам в том же роде; но тут он явился уже на втором плане.

Был в донском войске козак известный, ловкий, Степан Тимофеевич Разин, был он росту среднего, крепкого сложения, лет около сорока. Весною 1661 года войско посылало его к калмыкам уговаривать их быть заодно с донцами, служить государю на крымского хана. Возвратясь от калмыков, осенью того же года Степан Тимофеевич явился в Москву: он отправлялся на богомолье в Соловецкий монастырь. Такое благочестие не было диковиною между козаками: "за многие войсковые службы, за кровь и раны" пожалован им был в Шацком уезде Чернеев монастырь; козаки его строили, многие вклады давали, а старики и раненые постригались в нем.

Прошло пять лет - о Разине нет слухов. Но вот в 1667 году астраханские воеводы получают царскую грамоту. "В Астрахани и в Черном Яру живите с великим береженьем, - писал государь, - на Дону собираются многие козаки и хотят идти воровать на Волгу, взять Царицын и засесть там". Грамота объясняет, отчего происходит это козацкое движение: "Во многие донские городки пришли с украины беглые боярские люди и крестьяне с женами и детьми, и оттого теперь на Дону голод большой". Кто же был атаманом этой толпы, питавшей такие опасные замыслы? Наш знакомый паломник Степан Разин! Как же произошло это чудесное превращение из странника в разбойничья атамана?

Иностранные известия говорят, что брат Разина, находясь со своим козацким отрядом при войске князя Юрия Долгорукого, просил у воеводы отпуска на Дон; воевода отказал, и козаки ушли самовольно; но их догнали, закон определял смертную казнь беглецам со службы, и Долгорукий исполнил закон. Разин был повешен, и двое братьев его, Степан и Фрол, задумали отомстить боярам и воеводам.

Не знаем, верить ли этому известию иностранцев? Ни акт правительственный, ни дума народная его не подтверждают. Притом же дело объясняется и без того так просто.

Разин был истый козак, один из тех стародавних русских людей, тех богатырей, которых народное представление еднает с козаками, которым обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные козаки, на широкое раздолье в степь, или на другое широкое раздолье - море, или по крайней мере на Волгу-матушку. Мы уже видели, что это был за человек Разин; весною сходит он в посольстве к калмыкам, а осенью готов уже идти на богомолье на противоположный край света, к Соловецким: "Много было

бито, граблено, надо душу спасти!" Воротился Разин с богомолья на Дон, на Дону тесно, точно в клетке, а искателей зипунов, голутьбы накопилось множество. Все они, и русские, и козаки, и хохлачи, говорили, что им идти на Волгу воровать, а на Дону жить им не у чего: государева жалованья в дуване досталось по кусу на человека, а иным и двоим кус, денег по 30 алтын, сукна по два аршина человеку, а иным по аршину, и этим прокормиться нечем, а тут еще на море путь заперт, и зипуна достать стало негде. Разин принял начальство над голутвенными и рванулся было в море Доном, но сами донцы загородили эту дорогу, потому что были в мире с азовцами. Отброшенный снизу, Разин поплыл вверх по Дону, туда, где эта река близка к Волге; воронежцы, посадские люди Иван Горденев и Трофим Хрипунов, ссудили его порохом и свинцом; и от многих воронежцев было воровство: порох и свинец привозили и вора́м продавали, а у них покупали рухлядь. Да и не воровать воронежцам было нельзя, говорили современники, потому что у многих на Дону сродичи.

Снова поднялись козаки, поднялась и новая Рига между рек Тишины и Иловли, близ Паншинского городка; стоял Разин на высоких буграх, а кругом его полая вода: ни пройти, ни проехать, ни проведать, сколько их там, ни языка поймать. Подъехали было посланцы царицынского воеводы, протопоп да монах, и воротились назад: за водою проехать нельзя, а перевезти их никто не смел.

Разин сидел в своем гнезде, пока добыча стала показываться на Волге. Поплыл вниз большой караван: тут был казенный струг с ссыльными, ехавшими на житье в Астрахань, был струг знаменитого московского богача Шорина с казенным хлебом, был струг патриарший и струга других лиц. Стрельцы провожали караван: но стрельцы не тронулись, когда нагрянул на них Стенька с 1000 своей голутьбы. Ладья с государевым хлебом пошла ко дну, начальные люди лежали изрубленные, с почернелыми от огненной пытки телами, или качались на виселицах; старинный соловецкий богомолец сам переломил руку у монаха патриаршеского; не тронули работников, ярыжек, дали волю куда хотят; 160 ярыжек пристало к Разину, и с ними патриарший сын боярский Лазунка *Жидовин*, ссыльные были раскованы, и стали они всяким людям чинить всякое разоренье, мучить и грабить пуще прямых донских козаков.

Народное воображение разыгралось: счастливый атаман вырос, превратился в чародея, которого пуля не брала, которому ничто не могло противостать. Стенька плыл мимо Царицына, воевода велел стрелять по воровским судам: ни одна пушка не выстрелила, запалом весь порох выходил. Воевода обомлел от ужаса, и когда явился к нему есаул от Разина, то он исполнил все его требования: отдал наковальню, мехи, кузнечную снасть.

Настращав царицынского воеводу, Стенька поплыл дальше; плыл он теперь на тридцати пяти стругах; вместо тысячи было уже у него 1500

человек, проплыл мимо Черного Яра, ограбил, прибил, высек плетью встретившегося ему воеводу Беклемишева, выплыл морем к устью Яика, где уже ждали его свои: старый богомолец, взявши с собою сорок человек, подошел к воротам Яицкого городка и послал к стрелецкому голове Яцыну, чтоб пустил их в церковь помолиться; Разин с товарищами был впущен, ворота за ним заперли, но он уже был хозяином в городке: товарищи его отперли ворота и впустили остальную толпу; Яцын с своими стрельцами не сопротивлялся, но и не приставал явно к ворами. Это не понравилось атаману: вырыли глубокую яму, у ямы стоял стрелец Чикмаз и вершил своих товарищей, начиная с Яцына: сто семьдесят трупов попадало в яму. Зверь насытился и объявил остальным стрельцам, что дает им волю: хотят - остаются с ним, хотят - идут в Астрахань. Одни остались, другие пошли; но при виде людей, которые уходили, не сочувствуя искателям зипунов, уходили, чтоб увеличить средства страшного и ненавистного государства, Стенька снова рассвирепел и поплыл в погоню за ушедшими; козаки нагнали стрельцов и начали им кричать, чтоб были с ними вместе; видя, что они не слушаются, воры начали их рубить и бросать в воду; тогда некоторые послушались и пристали к козакам, другие успели спрятаться в камышах.

Стенька расположился надолго в Яицком городке. Осенью его голутьба успела еще позаняться козацким делом: погромили татар в устьях Волги, пограбили на море бусурманские суда. В ноябре приехали в Яицкой гости, посланцы с Дону, привезли грамоту великого государя и войсковую отписку с увещанием отстать от воровства и возвратиться на Дон. Собрался круг, прочли и царскую грамоту, и войсковую отписку. "Когда вперед ко мне государева грамота придет, - сказал Разин посланным, - то я великому государю вину свою принесу". С этим посланные и отправились назад, на Дон. Они возвратились по крайней мере все целы. Не так были счастливы посланцы нового астраханского воеводы, князя Ивана Семеновича Прозоровского, посланного на смену князя Хилкова. С дороги из Саратова Прозоровский отправил к Разину двоих посланцев с увещаниями принести свои: вины: один посланный возвратился в Саратов, а другого ночью Разин убил и бросил в воду.

Проходила зима. Голутьбе было привольно в Яицком: они завели дружбу с соседними калмыками, торги между ними были беспрестанные. Между тем весть о счастье Разина, которому удалось перекинуться на Яик, засесть в государевом городке, добыть свободный выход в море, - эта весть волновала Дон: в Войске и во всех низовых городках воровские козаки собирались многим собраньем, чтоб идти на Волгу к Царицыну, грозя побить атамана Корнила Яковлева и старшин, которые не одобряли их намерения. Товарищи Разина ждали своих, но вместо своих пришли государевы ратные люди. Старый астраханский воевода князь Хилков прежде сдачи должности своему преемнику хотел промыслить над ворами и отправил к Яицкому степью товарища своего Якова Безобразова; но прежде чем начать промысл, Безобразов послал к Стеньке двоих

стрелецких голов для *сговору*, чтоб козаки доби́ли челом и шли на Саратов к новому воеводе, князю Прозоровскому. Несчастливых посланцев ждала виселица в Яицком; Безобразов начал промышлять над нераскаянными ворами, но промысл был неудачен: больше пятидесяти человек стрельцов и солдат было у него побито, некоторые перешли к вора́м, и весной 1668 года Стенька уже гулял по морю, направляясь к шаховой области.

Стенька ушел в море; но Волга не осталась покойна, воровской путь был указан. Толпа человек в 700 собралась на Дону под начальством Сережки Кривого и перекинулась на Волгу, царицынские служилые люди ей не помешали. На переем Кривому отправился из Астрахани письменный голова Аксентьев; он нагнал козаков и схватился с ними ниже Красного Яру, на Карабузане: Кривой одолел государевых людей, и 100 человек стрельцов передались к вора́м; Аксентьев ушел в лодки с небольшими людьми, но солдатского строю поручик-немец и стрелецкий пятидесятник попались в плен и были повешены за ноги, других пленных били ослопьями и посажали в воду. Победители ушли на море, к Разину. В июне пришла весть в Астрахань, что в 50 верстах от козачьих гребенских городков стоят 100 человек донских конных козаков с атаманом Алешкою Протокиным, на Куме 400 и ждут с Дону Алешку Каторжного с 2000 казаков; во многих городах, на Дону и на Хопре, козаки похвалялись идти на Волгу, похвалялись идти прямо на Царицын и сделать лучше, чем сделал Разин и Сережка Кривой.

Но это была только похвальба, у хвастунов недоставало атамана, недоставало другого Разина, и они должны были ждать, пока Степан Тимофеевич возвратится из своего морского похода. Разину хорошо гулялось по морю; он страшно разорил берег от Дербента до Баку и, достигнув Решта, предложил свою службу шаху, прося земель для поселения. Переговоры затянулись; жители Решта напали врасплох на козаков и убили у них 400 человек. Разин отплыл от Решта и жестоко отомстил свое поражение на Фарабате: он дал знать жителям, что приплыл к ним для торговли, торговал пять дней, на шестой поправил шапку на голове: это был условленный знак: козаки бросились на беззащитную добычу и разделались с нею по-козацки. Нахватавши много пленных, Стенька укрепился на зимовку на острове и завел с персиянами размен невольников: за трех и четырех христиан козаки давали по одному персиянину.

Весною 1669 года Разин перекинулся на восточный берег моря, погромил Трухменские улусы, но потерял удалого товарища - Сережку Кривого. Козаки расположились на Свином острове, с которого делали набеги на твердую землю; тут в июле месяце напал на них персидский флот с 4000 войска и потерпел совершенное поражение, только три судна успели спастись с предводителем Менеды-ханом; но сын и дочь его попали в плен к победителям, и дочь ханская сделалась наложницею счастливого атамана.

"Но не все же будет счастье!" - мог думать атаман в минуту трезвости. Вечно странствовать по Каспийскому морю нельзя, берега опустошены, хлеба нет, часто воды нет, и от соленой воды козаки заболевают, их уже недосчитывалось 500 человек, а персы могли выслать вместо 4000 и 8000, 10000. Долго оставаться на море козакам было дело необычное: погромивши берега и суда, они привыкли возвращаться домой, на пресловутую реку Дон. Но как возвратиться? чрез области государства, с которым было поступлено так враждебно? Делать было нечего, надобно было помириться с государством, принести повинную.

В начале августа в Астраханском государстве снова услышали о Разине: прибежал митрополичий сын боярский с митрополичьего учуга с вестью, что учуг пограблен козаками: вслед за ним явился персидский купец с вестью, что козаки ограбили его судно, взяли в плен его сына, захватили подарки, которые он вез великому государю. В тот же день отправилась против воров государева рать: второй воевода князь Семен Иванович Львов поплыл с 4000 стрельцов на тридцати шести стругах. Но мы знаем постоянное поведение московского правительства относительно козаков: прощать, как только будет принесена повинная; слабость государства условливала существование козаков подле него, условливала безнаказанность их воровства. Увидавши государевы суда, козаки убежали в море; Львов гнался за ними двадцать верст, утомился и послал милостивую царскую грамоту. Стенька воротился, и начались переговоры; к воеводе явились двое выборных козаков. "Все войско бьет челом, - говорили они, - чтоб великий государь пожаловал, велел вины их отдать и отпустить на Дон с пожитками, а мы за свои вины ради великому государю служить и головами своими платить, где великий государь укажет; пушки, которые мы взяли на Волге в судах, в Яицком городке и в шаховой области, отдадим, служилых людей отпустим, а струга и струговые снасти отдадим в Царицыне". Князь Семен велел этих двух козаков привести к вере за все войско и поплыл назад в Астрахань, за ним плыл Стенька с своими *голотвенными*, теперь разбогатевшими от частых дуванов.

25 августа в Астраханском государстве было большое торжество: в приказной избе сидел воевода; туда же шел Разин с товарищами; подойдя к избе, козаки положили бунчук, знамена, сдали пленных персиян, объявили, что и пушки отдадут, и русских служилых людей отпустят без задержки. Разин бил челом пред воеводою, чтоб великий государь велел отпустить их на Дон, а теперь бы шестерых выборных из них отправить в Москву бить великому государю за вины свои головами своими. Выборные были отправлены. В Москве их спросили: "Пошли вы с Дону на такое воровство и то учинили, забыв страх божий и великого государя крестное целование: так теперь скажите правду - на такое воровство где у вас зачалась мысль? и кто у вас в той мысли в заводе был?" "На Дону нам начала быть скудость большая, - отвечали козаки, - на Черное море проходить стало нельзя: сделаны турецкими людьми крепости, и мы, отобравшись, охочие люди, пошли на Волгу, а с Волги на море, без ведома войскового атамана

Корнила Яковлева, а начальный человек к тому делу был у нас Стенька Разин". По указу царскому козакам вины их выговорены и сказано, что великий государь по своему милосердому рассмотрению пожаловал, вместо смерти велел дать им живот и послать их в Астрахань, чтоб они вины свои заслуживали.

Но козаки отведали широкого раздолья и богатых дуванов: тяжело им было вины свои заслуживать, не слуги они были больше государству. На возвратном пути в Астрахань, за Пензою, в степи, за рекою Медведицею, козаки напали на своих провожатых, прибили их, отняли лошадей и помчались в степь бездорожно. "В Астрахань не поедем, боимся государева гнева", - говорили они. Они проведали, что Разин отпущен на Дон.

Перед отпуском на Дон воеводы хотели рассчитаться с Разиным; но мы знаем, как труден был расчет с козаками: отдать даром добычу, приобретенную саблею, было хуже всего для козаков; мы видали уже и прежде, как дерзко отказывали они правительству, требовавшему безвыкупного освобождения пленных. Воеводы начали приступать к Разину и товарищам его, чтоб дали себя переписать да чтоб отдали все пушки, дары, которые персидский купчина вез государю, все его товары и всех пленных персиян. "Товары, - отвечал Разин, - у нас раздуванены, после дувану у иных проданы и в платье переделаны, отдать нам нечего и собрать никак нельзя; за все это идем мы к великому государю и будем платить головами своими; полон в шаховой области взят у нас за саблею, много нашей братьи за тот полон на боях побиты и в полон взяты, и в разделе один полонянин доставался пяти, десяти и двадцати человекам. А что нас переписывать, то переписка козакам на Дону и Яике и нигде по нашим козачьим правам не повелась, и в милостивой государевой грамоте не написано". Стенька отдал 21 пушку и морские струга, но 20 пушек удержал у себя. "Эти пушки, - говорил он, - надобны нам на степи для проходу от крымских, азовских и всяких воинских людей, а как дойдем, то пушечки пришлем тотчас же".

Воеводы не настаивали больше, велели персиянам выкупать своих пленных у козаков беспошлинно. "Взять этот полон без окупы, взять силою у козаков дары, которые вез шахов купчина, и товары его мы не смели, - писали воеводы в Москву, - мы боялись, чтоб козаки вновь шатости к воровству не учинили и не пристали бы к их воровству иные многие люди, не учинилось бы кровопролитие".

Воеводы были правы, ибо государство было слишком слабо в застепной украине, широком раздолье козачества. Мы уже знаем, какое очарование в молодом русском обществе производил козак и его вольная, удалая жизнь. Поэтические представления тогдашнего русского человека, отрывавшие его от повседневной, однообразной жизни, переносившие его в иной, фантастический мир, - эти поэтические представления сосредоточивались главным образом около козака и его подвигов; старинные богатыри

народных песен и сказок превратились в козаков, и все чудесное, соединявшееся с представлением об Илье Муромце и его товарищах, естественно, переходило теперь к козакам, которые выдавались вперед своею удалью. Русь, особенно низшие слои народонаселения, и в XVII веке жила еще понятиями IX и X веков; вспомним, какое впечатление произвел на киевлян старый Олег, когда возвратился с моря с богатою добычею, погромив греческие берега: вещим, чародеем прозвал его народ. Вещим, чародеем явился и богатый Разин астраханцам: "По истине Стенька Разин богат приехал, что и невероятно быти мнится: на судах его веревки и канаты все шелковые и паруса также все из материи персидской шелковые учинены". То же самое рассказывалось и о судах Олеговых и внесено в летопись. Легко понять, какое впечатление в низших слоях тогдашнего общества должно было производить появление козака, вольного молодца, о котором так много рассказывалось и пелось и который мог сам о себе так много рассказать. Среди этой однообразной и бедной во всех отношениях жизни являлся козак, богато, роскошно, ярко одетый, он звенит оружием, звенит деньгами, деньги ему нипочем, он гуляет, и вся жизнь его представляется как непрерывная гульба. Понятно, какое впечатление производило это на людей, которым более других хотелось погулять, которым их собственная жизнь представлялась непрерывною тяжелою, печальною работою. А прелесть добычи, так искусительно действовавшая на человека тогдашнего общества! Мы видели, что торговые люди, приехавшие на Дон для мирных промыслов, как скоро узнавали о сборе донцов в поход, бросали свою торговлю и шли вместе с козаками за зипунами. Кроме прелести добычи прелесть подвига, дававшего выход силам, беспокойно, тяжело и праздно волновавшим человека. И не забудем, что описываемые события происходили в Астраханском государстве, в степной уkraine, где постоянно пахло козацким духом, на этой подвижной почве, где было так мало установленного, где еще продолжалось время, пережитое Европою в начале средних веков, - время хаотического брожения народных сил, время образования дружин.

Самое сильное обаяние, разумеется, козацкий дух производил на стрельца. Стрелец вышел из тех же слоев общества, как и козак, он человек военный, привык владеть оружием, но он недисциплинирован как солдат, он полукозак, и легко понять, как при первой встрече с настоящим вольным козаком, при первой возможности повоевать на себя, т. е. пограбить, добыть зипун, стрелец бросает знамена государства и присоединяется к козакам. А вся сила астраханских воевод основывалась на стрельцах, и воеводы были сто раз правы, не употребляя крутых мер с Стенькою, желая как можно скорее выпроводить его на Дон, удалить страшное искушение от своих подвластных.

Искушение было действительно страшное: козаки расхаживали по городу в шелковых, бархатных кафтанах, на шапках жемчуг, дорогие камни; они завели торговлю с жителями, отдавали добычу нипочем: фунт шелку продавали за 18 денег. А он-то, богатырь, чародей, державший в могучих

руках всех этих удальцов, козацкий батюшка, Степан Тимофеевич! прямой батюшка, не то что воеводы и приказные люди: со всеми такой ласковый, а уж добрый-то какой, кто ни попроси - нет отказа! Степана Тимофеевича величали как царя: становились на колени, кланялись в землю. И ничто не было пощажено, чтоб усилить обаяние. Но чем производилось тогда самое сильное обаяние? Широкостью размеров во всем, чудовищною силою, чудовищною властью; могучее обаяние производил человек, которому все было нипочем, который не сдерживался ничем, никакими привязанностями, никакими отношениями, который дикими выходками своего произвола озадачивал, оцепенял простого человека, низлагал, порабощал его. Таковы обыкновенно понятия неразвитых обществ о силе и власти; во сколько общество образованное требует меры и ненавидит безмерие, во столько необразованное увлекается последним, ибо здесь молчит ум и тем сильнее разыгрывается воображение; выходки слепой силы, бесчувственного насилия всего более его поражают, для него сильный человек прежде всего не должен быть человеком, а чем-то вроде грома и молнии. И козацкий батюшка Степан Тимофеевич как нельзя больше приходился по этим понятиям, был как нельзя больше способен обаять толпу своею силою, своим произволом, ничем не сдерживающимся. Однажды Разин катался по Волге; подле него сидела его наложница, пленная персиянка, ханская дочь, красавица, великолепно одетая. Вдруг пьяный атаман вскакивает, хватает несчастную женщину и бросает ее в Волгу, приговаривая: "Возьми, Волга-матушка! много ты мне дала серебра и золота и всякого добра, наделила честью и славою, а я тебя еще ничем не поблагодарил!"

Четвертого сентября Разин отправился из Астрахани; до Царицына отпущен был с ним в провожатых жилец Леонтий Плохово, а от Царицына до Паншина городка должен был провожать сотник с 50 стрельцами. При отпуске воеводы наказывали козакам, чтоб они дорогою никаких людей с собою на Дон не подговаривали, а которые сами станут к ним приставать, тех бы не принимали и опалы государевой на себя не наводили. На Черный Яр и в Царицын послана была грамота, чтоб там козаков в города не пускали, вина им не продавали, чтоб у козаков с городскими и сельскими жителями никакой ссоры и никакого дурна не было. Но скоро воеводы получили известия, что козаки не думают исполнять их наказа, буйствуют по дороге, останавливают струга, подговаривают к себе стрельцов. Воеводы послали приказ Плохово - выговорить Стеньке и его товарищам их дурости. Но в ответ пришло известие о новых, больших дуростях.

1 октября приплыл Стенька к Царицыну. Хорошо было астраханским воеводам давать приказания царицынскому воеводе Андрею Унковскому, чтоб не пускал козаков в город: но какие у последнего были средства не пускать козаков? Гости без всякого сопротивления вошли в город. Астраханские воеводы писали также, чтоб не продавать вина козакам: но опять, какие средства для этого у воеводы царицынского? Чтоб удержать козаков от пьянства и его следствий - ссор с жителями, Унковский мог

придумать одно - велел продавать вино по двойной цене. Но дорого поплатился воевода за это распоряжение. Козаки завопили на притеснение; обязанность атамана - заступиться за своих; а тут еще подлили масла в огонь. "Воевода этот, - говорили козаки, - уже давно нас притесняет: которые наша братья приезжают с Дону на Царицын за солью, у тех он берет с дуги по алтыну; да у наших же козаков он отнял у одного две лошади с санями и хомутами, у другого пищаль". И вот Разин двинулся с своею толпою на воеводский двор, грозясь зарезать Унковского; дверь у горницы уже была выбита бревном; воевода выкинулся из горницы в окно, вышиб себе ногу, но успел спрятаться. Стенька искал его по всем хоромам, искал в соборной церкви, в алтаре. Не нашедши воеводу, Разин велел сбить замок у тюрьмы и выпустить колодников. Когда козаки схлынули, Унковский вышел из места своего убежища и сел в приказной избе, но не долго насидел покойно: в избу явился козацкий старшина, запорожец, навеселе и не мог отказать себе в удовольствии поругать воеводу всякою неподобною бранью и подрать его за бороду. Но этим дело не кончилось: сам Степан Тимофеевич, узнав, что воевода в приказной избе, шел с ним разделаться; Унковский спрятался в задней избе. Дело, впрочем, обошлось без крови: воевода заплатил козакам деньги за лошадей и за пищаль, и Стенька удовольствовался острасткою. "Если ты, - сказал он воеводе, - станешь вперед нашим козакам налоги чинить, то тебе от меня живу не быть". Объявились и другие обычные козацкие дурости: ехал на частном струге сотник, посланный из Москвы в Астрахань с государевыми грамотами; ночью козаки напали на него, струг пограбили, государевы грамоты пометали в воду. Леонтий Плохово, расставаясь с Стенькою в Царицыне, говорил ему, чтоб выдал беглых и подговорных людей. "У козаков того не повелось, что беглых людей отдавать", - отвечал Разин и не отдал. С тем же требованием выдачи беглых явился посланец от самого набольшего воеводу, астраханского князя Прозоровского. Посланный приправил требование угрозою; Стенька вспыхнул. "Как ты смел прийти ко мне с такими речами? - закричал он. - Чтоб я выдал друзей своих? Скажи воеводе, что я его не боюсь, не боюсь и того, кто повыше его; я увижусь и рассчитаюсь с воеводою. Он дурак, трус! Хочет обращаться со мною как с холопом, но я прирожденный вольный человек. Я сильнее его; я расплачусь с этими негодьями!"

Это не была простая угроза: это был прямой вызов. Стенька был действительно сильнее Прозоровского, но что ему было делать с своею силою? она исчезнет без употребления, исчезнет и значение Разина, его атаманство. Но куда употребить силу? К Азову турки не пустят; опять пробиться на Каспийское - можно, но как возвратиться? в другой раз уже не обмануть государства! И вот Стенька опрокидывается на государство; где же средства для борьбы? поднять всех голутвенных против бояр и воевод, поднять крестьян и холопей против господ. Васька Ус уже указал дорогу.

По известному обычаю, Стенька сделал земляной городок между Кагальником и Ведерниковом, перезвал к себе сюда из Черкаска жену и брата Фрола. Дон разделился: в Черкаске сидело старое войсковое правительство, атаман Корнило Яковлев с старшиною; но сильнее его был атаман нового войска, Степан Разин, который сидел в своем новом городке и которого силы увеличивались со дня на день. Вести о подвигах батюшки Степана Тимофеевича, о богатой добыче разнеслись быстро: Разин распустил донских жильцов на сроки за крепкими поруками в козачьи городки для свидания с родственниками и для исполнения обязательств; мы видели уже, что в козачестве был такой обычай: домовитые козаки ссужали оружием и платьем голутвенных, которые отправлялись за добычею, с условием, чтоб по возвращении добыча была разделена пополам. Теперь Стенькины сподвижники делили добычу с своими *посыльщиками*. Добыча была богатая, и вот охотники до зипунов потянулись со всех сторон к счастливому вождю: шли к Разину голутвенные из донских и хоперских городков, гулящие люди с Волги, черкасы запорожские; и не нужно им было ни у кого ссужаться: батюшка Степан Тимофеевич принимал каждого с распростертыми объятиями, ссужал и уговаривал всячески. В ноябре месяце было у него уже 2700 человек. Беспреданно говорил он им, чтоб были готовы, но куда будет поход - про то знали немногие козаки, и у них никакими мерами доведаться о том было нельзя. Старое правительство войсковое, бывшее в Черкаске, старые козаки сильно тужили: "Приехали в Черкасск из Азова присыльщики для заключения перемирья; козаки им отказали и объявили прямо причину: приехал Стенька Разин с товарищами, и если он мимо нас сделает над Азовом какое дурно, то вы нам, козакам, вперед ни в чем верить не станете". Не знали, что делать, Корнило Яковлев с товарищами: принимать ли Стеньку в войско или промысл над ним чинить? Решили послать за этим нарочно к великому государю бить челом об указе. Но Разин спешил вывести их из нерешительного положения.

Весною 1670 года, в Фомино воскресенье, приехал на Дон жилец Герасим Евдокимов с царским милостивым словом; атаман Корнило Яковлев созвал круг. Евдокимов был принят честно, грамоту вычли, на государственной милости челом ударили и объявили посланному, чтоб он был готов к отъезду: его скоро отпустят назад к великому государю вместе с козацкою станицею, как водилось. Но в понедельник явился в Черкасск другой гость, Степан Тимофеевич Разин, и когда во вторник Корнило Яковлев созвал круг для выбора станицы в Москву, то пришел и Разин с своими голутвенными. "Куда станицу выбираете?" - спросил он. "Отпускаем с жильцом Герасимом к великому государю", - был ответ. "Позвать Герасима сюда!" - закричал Разин, и приказ немедленно был исполнен, побежали за Евдокимовым и привели в круг. "От кого ты поехал, от великого государя или от бояр?" - спросил его Разин. "Послан я от великого государя с милостивою грамотою", - отвечал тот. "Врешь! - закричал Стенька. - Приехал ты не с грамотою, приехал к нам лазутчиком, такой-сякой!" - бросился бить Евдокимова и, избивши до полусмерти, велел бросить в Дон.

"Непригоже ты так учинил", - отозвался было атаман Корнило Яковлев. "И ты того же захотел, - закричал на него Разин, - владей своим войском, а я владею своим!" Атаман замолчал, видя, что не его время; Разин с голутвенными начал господствовать в Черкасске. Несколько добрых козаков возвысили было голос и отвели донской воды. Разин начал сбивать с Дона священников, этих подозрительных для него "царских богомольцев"; церковь составляла связь козачества с государством, и вот Разин износит хулу на церковь; после, пожалуй, он опять пойдет к соловецким: "Смолоду было много бито, граблено, под конец надо душу спасти!", но теперь Разину было не до богомолья, дикие силы кипели в нем и требовали выхода; козак гулял и не верил ни во что, "верил только в свой червлёный вяз", как богатырь старой песни. Говорят, Стенька венчал голутьбу, заставляя их плясать вокруг дерева. Это не была новость: кто не знал песни, как богатыри "круг ракитова куста венчались"?

Из Черкаска Разин отправился вверх, в Паншин городок, куда пришел к нему знаменитый Васька Ус с толпою голутвенных. Всего набралось тысяч с семь козаков. Собрался круг, и атаман объявил, что идет судами и конями под Царицын. На другой день войско выступило, через два дня, ночью, подошло к Царицыну, и, как только началась заря, козаки с сухого пути и с реки обступили город. Здесь начали бить в набат, выстрелили раз из пушки, но уже пять человек царицынцев перекинулись к козакам и объявили Стеньке, сколько в городе казны, запасов, какие крепости. Оставив Уса осаждать город, Стенька отправился за тридцать верст, погромил едисанских татар и привел под Царицын пленных, пригнал лошадей, животину. Между тем 13 апреля в табор к Ваське Усу явились еще пять человек царицынцев с просьбою позволить им выходить из города, брать воду, выгонять скот на пастбище. "Уговаривайте воеводу, - отвечал Ус, - чтоб он город отпер, а если он заупрямится, то вы сами отбейте городской замок". В тот же день приказание было исполнено: ворота отворились, и воевода Тургенев с племянником своим, прислугою, десятком московских стрельцов и тремя человеками царицынцев заперся в башне. В городе начались пиры, попойки с козаками, сам Разин приехал в город и угостился допьяна. В этом виде он повел козаков на приступ к башне и взял ее после долгого боя. Несчастный Тургенев достался живой козакам, и на другой день они угостили себя приятным зрелищем: привели Тургенева на веревке к реке, прокололи копьем и утопили.

Стенька укрепил Царицын, созвал круг и объявил свой широкий замысел: идти вверх по Волге под государевы города, выводить воевод, или идти к Москве против бояр. Козаки закричали в ответ, что полагаются на слово своего батюшки атамана. Но скоро оказалось препятствие: пришла весть, что астраханский воевода князь Прозоровский высылает людей к Черному Яру. Стенька тотчас выслал конную станицу для проводыванья; посыльщики возвратились и сказали, что в Черном Яру стоит астраханская рать; но вслед за этим другая весть, что сверху идут московские стрельцы к Царицыну. Стенька не унывал, зная, что ни из Астрахани, ни из Москвы не

может быть послано много войска; он бросился на московских стрельцов, которых было 1000 человек под начальством Лопатина. Стрельцы стояли спокойно на Денежном острове, в семи верстах от Царицына, как вдруг пули посыпались на них с двух сторон: с луговой стороны напал в судах сам Разин, а с нагорной конные козаки; несмотря на превосходную силу козаков, которых было тысяч с пять, стрельцы начали пробиваться к Царицыну, думая, что оттуда будет им выручка; но только что они подплыли под город, как оттуда встретили их пушечными ядрами. 500 стрельцов было убито, остальных разобрали под городом. Лопатин с другими начальными людьми имел участь Тургенева; более 300 стрельцов Стенька посадил на свои суда в гребцы неволею, они слышали от козаков удивительные слова: "Вы бьетесь за изменников, а не за государя, а мы бьемся за государя".

Московских стрельцов надобно было доставать боем; астраханские передались без сопротивления; в Астрахани уже работали разинские посланцы, и легко им было там работать: почва была удобная и подготовленная прежним пребыванием Стеньки. Навстречу вора плыли 2600 стрельцов и 500 вольных людей под начальством товарища воеводского князя Семена Ивановича Львова; но только что у Черного Яра показались воровские суда, как все стрельцы взволновались и начали вязать начальных людей, громко приветствуя своего батюшку Степана Тимофеевича, своего освободителя. Разин отвечал им обещаниями вольной, богатой, разгульной жизни; восторженные крики не прерывались, и под эти крики падали обезображенные трупы начальных людей. Но уцелел как-то воевода князь Львов.

Вести, полученные от стрельцов, переменили намерение Разина: сперва он хотел идти под верхние государевы города, там переводить воевод; теперь он узнал, что в Астрахани *свои*ждут его с нетерпением и сдадут город, только что покажутся удалые. Стенька поплыл к Астрахани.

Здесь давно уже ждали чего-то недоброго: давно были напуганы знаменьями, шумом в церквах, точно колокольный звон, землетрясениями. С 25 мая, с того дня, как отправился князь Львов с стрельцами, между астраханцами начался ропот и непослушание воеводе, и вот 4 июня приходит страшная весть, что стрельцы передались Разину. Князь Прозоровский не потерял духа и начал сколько мог хлопотать об укреплении города. Помощником ему в этом деле был немец Бутлер, капитан первого русского корабля "*Орел*", стоявшего в Астрахани. В тот же день воевода велел Бутлеру пересмотреть все пушки по валам и раскатам и корабельным людям приказал быть у наряда. На другой день, 5-10 числа, волнение между астраханцами усилилось: как видно, и в народе узнали уже об измене стрельцов. 9 июня Прозоровский велел Бутлеру осмотреть каменный город, а на другой стороне вала хлопотал англичанин, полковник Фома Бойль; вал и раскаты починивали, везде расставили крепкий караул, стрельцы всю ночь стояли по валам: в Нижней башне стояли персияне,

калмыки, черкесы. 13 июня ночью караульные стрельцы увидели, как надо всю Астраханью отворилось небо и просыпались из него на город точно печные искры. Стрельцы побежали в собор и рассказали об этом митрополиту Иосифу. Тот долго плакал и, возвратившись в келью от заутрени, говорил: "Излиялся с небеси фиал гнева божия!" Иосиф имел право не ждать ничего доброго от козаков, зная их очень хорошо. Он был родом астраханец; восьми лет он был свидетелем неистовств, которые позволяли себе козаки Заруцкого в Астрахани, как бесчестили архиепископа Феодосия за то, что называл их ворами, как перебили всех его дворовых, разграбили дом, самого посадили в Троицком монастыре в каменную тюрьму. Иосиф на самом себе носил тяжелый знак памяти от этого страшного времени: голова его постоянно тряслась от удара, нанесенного ему козаками.

Прозоровский, услышав о видении, также заплакал: он не ждал ничего доброго от стрельцов и астраханцев и хотел по крайней мере приласкать иноземцев: 15-го числа он позвал к себе обедать Бутлера, подарил ему кафтан из желтого атласа, нижнее платье, белье, велел приходить каждый день обедать.

Но в то время как воевода задабривал Бутлера, стрельцы искали только предлога к возмущению. Они являлись к воеводе и требуют жалованья за прошлый год. "Казны великого государя из Москвы еще не бывало, - отвечал Прозоровский, - разве что даст от себя взаймы митрополит или из Троицкого монастыря, и я вам роздам, по сколько придется, чтоб вам богоотметника и изменника Стеньки Разина не слушать и радеть великому государю". Объяснившись так откровенно с стрельцами, Прозоровский идет к митрополиту: "Как быть? надобно дать, иначе беда!" "Надобно дать, - отвечает митрополит, - злоба велика, прельстились к богоотступнику!" - и вынес своих келейных денег 600 рублей, да из Троицкого монастыря велел взять 2000. Воевода роздал эти деньги стрельцам; предлог к возмущению исчез, но не исчезло желание, и с нетерпением ждали батюшки Степана Тимофеевича.

И вот пошли толки о новом знамени: ранним утром караульные стрельцы увидели три столпа разноцветных, точно радуга, а наверху три венца. Видел и сам митрополит Иосиф. Не к добру! Не к добру и то, что в Петровки, когда бывало негде деться от жара, теперь ходят все в теплом платье: холод, дожди с градом!

22-го числа воровские козаки уже были в виду города. Стенька стал у Жареных Бугров и прислал в Астрахань с прелестными грамотами Воздвиженского священника и человека князя Львова, попавшихся к нему в плен; была у них и грамотка к Бутлеру на немецком языке! Стенька уговаривал немцев побережь свою жизнь и не стоять против козаков. Бутлер отдал грамоту воеводе; тот разодрал ее, велел пытать холопа и отсечь голову; попа посадили в тюрьму, заклепавши рот. Воевода укреплял

город, закладывал ворота кирпичом, митрополит с духовенством обходил город крестным ходом, 23-го числа козаки пристали к городу у речки Кривуши под виноградными садами; запылала Татарская слобода: ее зажгли свои намеренно, чтоб не давать приюта неприятелю. Но вот приводят к воеводе другого рода зажигальщиков: двое нищих перебежали к Разину и возвратились от него с поручением зажечь Белый город во время приступа. Нищие были казнены для острастки; но воевода мало надеялся на одну острастку и спешил употребить другое средство: на митрополичий двор созваны были пятидесятники и старые лучшие люди: митрополит и воевода долго уговаривали их постараться за дом пречистые богородицы, послужить великому государю верою и правдою, биться с изменниками мужественно, обещали царскую милость живым, вечное блаженство падшим. Все на словах уверяли, что не будут щадить живота своего, но иначе вышло на деле.

Вечером боярин, принявши благословение у митрополита, ополчился в ратную сбрую и выступил, как обыкновенно воеводы выступали в поход, - пошел со всеми своими держальниками и дворовыми людьми, перед ними вели коней под попонами, били в тулунбасы, трубили в трубы. Прозоровский стал у Вознесенских ворот, куда ждал самого сильного напора от воров.

Ночь проходила. В три часа утра 24-го числа тревога, приступ, пушки загремели с города. Но козаки, не обращая на них внимания, приставили лестницы к стенам - и не копьями, не варом были встречены: изменники принимали их как друзей, давно жданных: по всему городу раздались козачьи крики, и кричали не одни воровские козаки, кричали стрельцы, кричали астраханцы и первые бросились бить дворян, сотников, боярских людей, верных господам своим, и пушкарей. В одном углу, еще ничего не зная, стоял Бутлер и продолжал работать из пушек, как вдруг является к нему англичанин Бойль, с окровавленным лицом, шатающийся. "Что вы тут делаете? - кричит он. - Весь город изменил; стрельцы моего полка прокололи мне лицо и ноги копьем, до смерти бы убили, если б не латы; я говорил им, чтоб верно служили, а они мне велели молчать". Бутлер бросился бежать.

Между тем народ спешил к соборной церкви: туда верные холопы принесли на ковре Прозоровского, раненного копьем в живот. Скоро прибежал и митрополит Иосиф и со слезами бросился к воеводе, с которым жил очень дружно; но плакать было некогда: Иосиф спешил приобщить страдальца св. тайн. Церковь все больше и больше наполнялась народом: вбегали дьяки, головы стрелецкие, подьячие, все те, которым нечего было ждать добра от воров. Думали еще защищаться; заперли церковные двери, и у них с большим ножом стал стрелецкий пятидесятник Фрол Дура, решившийся дорого отдать ворами святое место. Он недолго дождался: козаки прибежали и начали ломиться; резные железные двери не подавались, они выстрелили сквозь них из самопала. Раздался вопль: на

руках у матери трепетал в крови полутороговой ребенок. Наконец двери подались; Фрол Дура начал работать ножом; разъяренные козаки выхватили его из церкви и у паперти иссекли на части; Прозоровского, дьяка, голов стрелецких, дворян и детей боярских, сотников и подьячих всех перевязали и посадили под раскат дожидаться козацкого суда и расправы. Суд и расправа были коротки: явился атаман и велел взвести воеводу на раскат и оттуда ринуть на землю. Других несчастных не удостоили такого почета: их секли мечами и бердышами перед соборною церковью, кровь текла ручьем мимо церкви до Приказной палаты; трупы бросали без разбору в Троицком монастыре в братскую могилу; подле могилы стоял монах и считал: начел 441.

После убийств начался грабеж: пограбили Приказную палату, дворы убитых, дворы богатых людей, гостиные дворы: русский, гилянский, индейский, бухарский, и все свезено было в кучу для ровного дувана. Но в то время, когда целый уже город со всеми своими богатствами был в руках Стеньки и его товарищей, в одном месте слышалась стрельба: в пыточной башне сели насмерть люди Каспулата Муцаловича Черкасского, двое русских да пушкари, всего девять человек, и бились с ворами до полудня: не стало свинцу, стреляли деньгами: не стало пороху - покидались за город: некоторые пришиблись до смерти, других схватили и посекали.

Это было последнее сопротивление. Начальных людей не было: они лежали все в Троицком монастыре, в общей могиле. Стенька владел Астраханью. Он сделал из нее козацкий городок, разделил жителей на тысячи, сотни, десятки с выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятниками; зашумел круг, старинное вече. В одно утро все это козачество двинулось за город: там на просторном, открытом месте приводили к присяге, клялись: за великого государя стоять, атаману Степану Тимофеевичу и всему войску служить, изменников выводить; два священника стали обличать вора - одного посадили в воду, другому отсекали руку и ногу. Разин велел сжечь все бумаги и хвалился, что сожжет все дела и в Москве, *вверху*, т. е. во дворце государевом.

Козаки, старые и новые, гуляли, с утра все уже пьяно; Стенька разъезжал по улицам или пьяный сидел у митрополичьего двора на улице, поджавши ноги по-турецки. Каждый день кровавые потехи: по мановению пьяного атамана одному отсекут голову, другого кинут в воду, иному отрубят руки и ноги; то вдруг смилуется Стенька, велит отпустить несчастного, ожидающего казни. Детям понравилась потеха отцов: и они завели круги и, кто провинится, бьют палками, вешают за ноги, одного повесили за шею - и сняли мертвого. Женам и дочерям побитых дворян, сотников и подьячих не было проходу от ругательства козацких жен: но ругательствами дело не кончилось: атаман начал выдавать их замуж за своих козаков, священникам приказано было венчать по печатям атамана, а не по архиерейскому благословению. Митрополит молчал; в день именин царевича Феодора

Алексеевича он имел слабость позвать или допустить к себе на обед Стеньку и всех старших козаков: гостей нагрянуло больше ста человек.

У митрополита в кельях скрывалась вдова воеводы княгиня Прозоровская с двумя сыновьями: одному было 16, другому 8 лет. Стенька вспомнил о княжатах и велел привести к себе старшего: "Где казна, что сбиралась в Астрахани с торговых людей?" "Вся пошла на жалованье служилым людям", - отвечал мальчик и сослался на подьячего Алексеева, который подтвердил его слова. "А где ваши животы?" "Разграблены, - отвечал князь, - наш казначей отдавал их по твоему приказу, возил их твой есаул". После этого допроса Прозоровский висел вверх ногами на городской стене, подьячий на крюке за ребро. Appetit был возбужден: Стенька велел вырвать у княгини Прозоровской и другого сына и повесить за ноги подле брата. На другой день старшего Прозоровского сбросили с стены; младшего сняли живым, высекли и отослали к матери; подьячий уже не дышал. Другой воевода, князь Семен Львов, был пощажен, и сохранилось известие о причине этой пощады: когда Разин приехал из персидского похода в Астрахань, то очень сошелся с князем Семеном Львовым: они побратались, и Стенька не выходил из дому воеводы, пил, ел и спал тут; поэтому когда Разин пришел в Другой раз под Астрахань, то пощадил князя Семена и даже имение его не пограбил.

Стенька протрезвился и увидел, что загостился в Астрахани. Он хотел прямо из Царицына нагрянуть на государевы города, и тогда трудно сказать, где бы он был остановлен силою государства; по всем вероятностям, ему удалось бы зимовать в Нижнем, как намеревался. Но вести о выходе князя Львова из Астрахани заставили его спуститься вниз, а рассказы передававшихся стрельцов, представивших Астрахань легкою добычею, заставили его идти к этому городу. Таким образом Стенька потерял много дорогого времени. В конце июля он стал собираться вверх; сборы эти протрезвили астраханцев, побратавшихся с козаками: хотя они и присягали великому государю, однако хорошо знали, что по уходе Стеньки могут скоро явиться под их городом государевы воеводы, и, как Стенька успел овладеть Астраханью благодаря *своим людям*, так и у воевод найдутся свои же люди, теперь смолкнувшие из страха или успевшие укрыться от истребления. Астраханцы явились к Стеньке: "Многие дворяне и приказные люди перехоронились: позволь нам, сыскав их, побить для того, когда от великого государя будет в Астрахань какая присылка, то они нам будут первые неприятели". "Когда я из Астрахани пойду, - отвечал Стенька, - то вы делайте как хотите, и для расправы оставляю вам козака Ваську Уса".

На двухстах судах поплыл Разин вверх по Волге, по берегу шло 2000 конницы. Отпустив из Царицына астраханскую добычу на Дон, Стенька пошел дальше, занял Саратов, Самару с обычными церемониями: воевода утоплен, дворяне и приказные люди перебиты, имение их пограблено, жители покозачены. Из Самары Разин двинулся к Симбирску, где сидел

окольный Иван Богданович Милославский, а на помощь ему спешил из Казани окольный князь Юрий Никитич Борятинский и успел прийти к Симбирску 31 августа, прежде Разина. "Нельзя мне было не спешить, - писал Борятинский, - чтоб Симбирск не потерять и в черту вора не пропустить". Но воевода имел мало надежды на успех. "Со мною пришло ратных людей немного, - доносил он царю, - начальные люди Зыковского и Чубаровского полков взяли на Москве жалованье, а в полки до сих пор не бывали, живут по деревням своим, а полков держать некому. Алексей Еропкин разбирает служилых людей не по указу; для своей бездельной корысти, вместо того чтоб оставить у себя самых меньших статей, оставил лучших людей, кому было можно служить; рейтарским полкам прислал списки, а в списках написаны многие мертвые, одно имя дважды и трижды, налицо 1300 человек в обоих полках, и в том числе треть пехих. А без пехоты мне быть нельзя. Пока над ворами промыслу не учинить, станут ходить и прельщать безопасно; а если б над ними промысл учинили, то он бы убавил вымыслу своего воровского. Промысл чинить буду. сколько милосердый бог помощи подаст, а по спискам у меня в полку гораздо малоллюдно, и с малоллюдством над таким воров без пехоты в дальних местах промыслу учинить нельзя".

Таким образом, воевода загодя уже спешил объяснить причину своей будущей неудачи. Борятинский недолго ждал оправдания своих опасений. 4 сентября явился и Разин под Симбирском, ночью обошел город, остановил свои струга за полверсты выше города и в отдачу ночных часов, выйдя из стругов, направился к городу на приступ; но Борятинский загородил ему дорогу; Стенька бросился на него, и завязался ожесточенный бой, длившийся с утра до вечера; ни та, ни другая сторона не получила верха: разошлись от усталости и целые сутки стояли на одном месте, смотря друг на друга. Но Разин не был без дела: он пересылался с жителями Симбирска и, уверившись, что они на его стороне, ночью напал на Борятинского и учинил бой великий, а за полчаса до света воры начали приступать к Симбирску, именно к тем пряслам стены, где стояли симбирцы.

Пострелявши сначала для виду пыжами, они впустили козаков в острог и сами бросились рубить людей боярских, не бывших с ними в одной думе. Овладевши острогом, воры бросились к городу, но тут явился Борятинский; воры обратили на него острожные пушки и не допустили без пехоты пробиться к городу, но зато и сами должны были отступить. Борятинский, видя, что без пехоты ничего не сделает, отступил от Симбирска к Тетюшам, написав государю: "Татары, которые в рейтарах и сотнях, худы и ненадежны, с первого боя многие утекли в дома свои, нельзя на них надеяться, и денег на них нечего терять. Начальные люди в полк ко мне не бывали, живут по деревням. Окольный Иван Богданович Милославский сел в малом городке, с ним головы стрелецкие, солдаты и иных чинов люди; малый городок крепкий, скоро взять не чаю, только безводен, колодцев нет, а они воды навозили много. Я пошел в Тетюши и

дожидаюсь князя Петра Семеновича Урусова, чтоб нам пойти опять к Симбирску: и будет Иван (Милославский) сидит, чтоб его от осады освободить; а будет Ивана взяли, и нам идти на Разина; а у него не многолюдно, больше пяти тысяч нет худого и доброго, а нынче у него на боях и на приступе безмерно побито лучших людей. Хотя бы у меня было 2000 пехоты, и он бы совсем пропал, не только бы к Симбирску. и к берегу бы не допустил; но, видя, что без пехоты с ним делать нечего, я отошел и полк твой отвел в целости".

Иван сидел, несмотря на то что силы Разина день ото дня увеличивались приходом чуваш, мордвы и русских крестьян. Четыре раза козаки приступали к городку, все но ночам: чтоб зажечь городок, возили из уездов солому, делали туры, в туры клали зелье, смолу, сухие драницы: но все приступы были отбиты, и городок оставался невредим. Целый месяц сидел Иван и 1 октября увидал движение в козацком стане. Стенька уходил: в семи верстах стоял обозом князь Юрий Борятинский, выдержавший на дороге с устья Казани-реки четыре боя с воровскими козаками, татарами, чувашами, черемисою и мордвою. В двух верстах от Симбирска, у реки Свяги, Стенька схватился с своим старым знакомым. В первой схватке Стеньку сорвали и прогнали: но он собрался со всеми силами, взял пушки и схватился в другой раз: "Люди в людях мешались, и стрельба на обе стороны ружейная и пушечная была в притин"; с козацкой стороны пало бесчисленное множество народа, сам Стенька получил две раны, один алатырец схватил было его и повалил, но был застрелен ворами. Стенька был разбит в пух, побежал к острожному симбирскому валу и заперся в башне, 2-го числа он мог вздохнуть, оглядеться; Борятинский наводил мосты на Свяге и 3-го числа подошел к городку: Милославский был освобожден. Но дело еще не кончилось: Стенька стоял по ту сторону города, у Казанских ворот, весь острог занял воровскими людьми. Стенька не оставлял намерения зажечь город и взять его. Борятинский употребил хитрость: ночью велел полковнику Чубарову зайти за Свягу с полком своим и там делать окрики, как будто бы пришло новое царское войско. Хитрость удалась вполне: на Стеньку напал страх, и он решился убежать тайком с одними донскими козаками, потому что бегство целого войска было бы замечено и нужно было бы выдержать преследование от воевод. Он объявил собравшейся около него толпе астраханцев, царицынцев, саратовцев и самарцев, чтоб они стояли у города, а сам он с донцами пойдет на царских воевод; но вместо того кинулся на суда и поплыл. Борятинский, узнав о бегстве Разина, решился покончить с оставшимися ворами: он вышел с конницею на поле и стал около города, а пехоту пустил на покинутый Разинным обоз и в острог; Милославский с другой стороны входил в острог, который запылал в разных местах. Поражаемые с двух сторон и особенно вытесняемые пламенем, вору бросились к реке, к судам, но были все перетоплены: в плен попало 500-700 человек, и все были истреблены: заводчиков четвертовали, других рубили и вешали по всем дорогам и по берегу Волги. По черте и по уездам разосланы были повестки, чтоб все изменившие добились в винах своих челом государю и жили в

домах своих по-прежнему; пригородные служилые люди добились челом: из них выбирали с слободы по человеку и били кнутом. Последний успех свой в Симбирске Борятинский приписывал зажжению острога. "Если бы не зажгли острогу, - писал он государю, - то долго было бы около них ходить за многолюдством".

Гостьба козаков в Астрахани, упорная защита Симбирского городка Милославским и победа Борятинского погубили Стеньку и его дело, которое начало было разыгрываться в обширных размерах.

Как только еще Стенька подошел к Симбирску и заставил Борятинского удалиться на север, воровские козаки с прелестными листами рассеялись вверх по Волге. В прелестных листах говорилось, что козаки идут против изменников-бояр и с ними идут *Нечай-царевич*, Алексей Алексеевич (недавно умерший) и патриарх Никон, изгнанный боярами. Бунт запылал на всем пространстве между Окою и Волгою; повторилось то, что мы уже видели в Смутное время здесь же, на восточной Украине, и во время восстания Хмельницкого на западной: в селах крестьяне начали истреблять помещиков и прикащиков их и толпами поднялись в козаки; заслышав приближение этих воровских шаек, в городах чернь бросалась на воевод и на приказных людей, впускала в город козаков, принимала атамана вместо воеводы, вводила козацкое устройство; воеводы и приказные люди, *облихованные* миром, на которых было много жалоб, истреблялись, *одобренных* не трогали. Как в Смутное время, поднялись варварские инородцы - мордва, чуваша и черемисы.

Поднимая бунт, воровские козаки держались двух главных направлений: от Симбирска на запад, по нынешним губерниям Симбирской, Пензенской и Тамбовской, и потом к северо-западу, по Симбирской и Нижегородской. Первое ополчение, отделившееся от Разина под Симбирском в сентябре, направилось к Корсуни под начальством Мишки Харитонов; цель была объявлена: идти в русские города, побить бояр, жен их и детей и дома разорить. Корсунские городские люди пристали к ворами и пошли с ними вместе бить помещиков по селам и деревням. 18 сентября атемарцы сдали свой город; 19-го сдался Инсарский острог; первое сопротивление оказал Саранск: с утра до вечера приступали воры к Саранску, наконец ворвались в него, побили воеводу и ратных людей. Атаманы собрали круг и объявили, что пойдут по черте до Тамбова. Царские воеводы, сидевшие в городках по этой черте, предвидели свою горькую участь; керенский воевода Безобразов писал в Тамбов: "Здесь люди все в отчаяние пришли; хотя и не много воров придет, но я от здешних людей добра ничего не чаю и в печалих своих чуть жив; да их же воровская прелесть во всех людей всеяла, будто с ними идет Нечай-царевич, Алексей Алексеевич да Никон-патриарх; и малоумные люди все то ставят в правду, и оттого пушная беда и поколебание в людях". Нижне-ломовский воевода Андрей Пекин писал воеводе Якову Хитрову (23 сентября): "В Нижнем Ломове козаки знатно

что изменили: поминай меня, убогого, да и великому государю извести, чтоб указал в синодик написать с женою и детьми".

Но долго ждали воеводы своей участи. Из Саранска Мишка Харитонов отправился к Пензе: здесь как только завидели воровские знамена - конские хвосты, развевавшиеся на шестах, так тотчас же взволновались, убили воеводу и побратались с козаками. В Пензу из Саратова явилась новая толпа воров, атаманом которой стал донской козак из беглых солдат Васька Федоров. Взявши две пушки, вору вышли из Пензы и заняли Наровчат. Предчувствия Андрея Пекина оправдались: нижнеломовцы схватили его, посадили в тюрьму и послали в Наровчат к воровским козакам; те явились и подняли на копья обличованного воеводу, что считалось ругательною смертью: из Нижнего Ломова отправился козачий отряд к Верхнему, где жители также выдали своего воеводу Корсакова: его привезли в Нижний Ломов и умертвили; но керенского воеводу Безобразова отпустили в Шацк. Двигаясь туда же, вору вошли в Кадомский уезд; здесь к Мишке Харитонову и Ваське Федорову пристал в Жуковщине третий атаман, Мишка, а в селе Конобееве - четвертый, Шилов: в каждой деревне, через которую проходили козаки, они брали к себе по мужику с дыма; кроме того, толпы их увеличивались татарами и мордвою. В разорении помещичьих домов особенно отличался крестьянин Жуковых, Кадомского уезда, Острогужского села, прозвищем Чирок.

Другая толпа воров, посланная Разиным из-под Симбирска с атаманом Максимом Осиповым, который выдавал себя за царевича Алексея, двигалась на северо-запад, к Алатырю; город был взят и сожжен; воевода Акинф Бутурлин с женою и детьми и дворяне, запершиеся в соборной церкви, все сгорели; Темников также был взят: воевода Челищев убежал, но брата его, племянника и подьячих вору нобили. В Курмыше козаки встретили почетный прием: городские и уездные люди вышли к ним с образами и вместе с ними встречал воевода: курмышцы все миром его одобрили, и он остался на воеводстве, грабежу и никакого разоренья воеводе и городским людям не было. И в Ядрине воевода остался жив, потому что его миром одобрили. Из Василя воевода убежал; козьмодемьянцы убили своего воеводу, подьячего, выбрали в старшины посадского человека, освободили тюремных сидельцев, и один из них, Долгополов, пошел поднимать Ветлугу. Взволновались жители Лыскова и прислали в Курмыш звать к себе атамана Осина: воевода ушел; мурашкинцы отсекали голову своему воеводе Племянникову. В Лыскове козаки были приняты с торжеством; но на другой стороне Волги не хотел сдаваться им Макарьевский Желтоводский монастырь, привлекавший вору богатою добычею. 8 октября вору приступили к монастырю с страшным криком: "Нечай! Нечай!" (мы знаем, что это значило) - и старались зажечь монастырь; но монахи, служки, крестьяне и богомольцы затушили пожар и отбили вору, козаки отступили в Лысково, оттуда в Мурашкино и все более и более набирали к себе людей; у Осипова было уже тысяч пятнадцать народа, мордвы, черемис и русских крестьян, и

между ними сто человек донских козаков, товарищей Разина. Отряд этого войска под начальством атамана Янка Микитинского пошел в другой раз под Макарьев монастырь и успел захватить его: пожитки частных людей, отданные в монастырь на сбережение, были разграблены, но монастырского ничего не тронули. Между тем к Осипову в Мурашкино нахлынули новые толпы татар, мордвы и чуваш, и он собирался идти под Нижний, потому что нижегородская чернь уже дважды присылала к нему с приглашением прийти: город будет сдан и государевы люди побиты. Но во время сборов к Нижнему прискакал гонец от Разина с приказом идти к нему на помощь со всеми силами, потому что его, Стеньку, князь Брятинский под Симбирском побил.

Таким образом, нечего было ждать главного атамана для поддержания и распространения мятежа, а между тем царские воеводы стали двигаться с разных сторон, и нестройные толпы черни, кое-как вооруженной, не могли стоять против государевых ратных людей. Остановка Разина в Астрахани и потом под Симбирском дала воеводам возможность собраться с силами, которых вначале, как мы уже могли видеть из донесения Брятинского, было очень недостаточно. Знаменитый боярин и воевода князь Юрий Алексеевич Долгорукий стоял в Арзамасе и оттуда доносил царю: "Пушние заводчики в воровстве те, которые присланы от Стеньки Разина, из симбирской черты стрельцы и козаки да будники, которые были на будах. Пушние заводы воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, Мурашкина и от Тетюшевской волости; этих воров умножилось; ратных людей, которые идут к нам в полки, побивают и грабят; а с другой стороны, от Шацка, Кадома и Темникова, воровство большое ж; на таких воров малые посылки посылать опасно, а многолюдную посылку послать - и у нас малоллюдно: стольников объявилось в естях 96 человек, а в нетях 92, стряпчих в естях 95, а в нетях 212, дворян московских в естях 108, а в нетях 279, жильцов в естях 291, а в нетях 1508, разных городов дворян и детей боярских зело мало в приездах, а рейтарские полковники и рейтары из Переяславля-Залесского и Рязанского не бывали". Долгорукий уже объяснил, почему было такое количество нетей: "Ратных людей, которые идут к нам в полки, побивают и грабят". Нижегородские воеводы подтверждали это объяснение: "Пришли к Нижнему Новгороду ратные люди, велено быть им в полку боярина князь Юрья Алексеевича Долгорукого. И ныне те ратные люди стоят под Нижним для того, что в Нижегородском уезде вору дороги все переняли и учинили по дорогам крепости и засеки и заставы крепкие и многолюдные, конных и пеших людей не пропустят, побивают до смерти. В Нижегородском уезде многие села и деревни разорили и выжгли, дворян их, жен и детей и людей их побили; к Нижнему Новгороду подъезжают и всяким жилецким людям говорят с угрозами и воровские письма привозят, чтоб жилецкие люди им город сдали и их встретили; из тех воров два человека, приехавшие с воровскими письмами, пытаны накрепко и казнены смертию".

Бунт обхватывал Долгорукого с трех сторон: с юга, востока и севера; воевода не мог думать о наступательных движениях и должен был ограничиваться оборонительными действиями от наступавших воров. Оборона была удачна. 28 сентября воевода думный дворянин Федор Леонтьев побил воров в селе Путятине; узнав, что новые толпы движутся из Алатыря прямо к Арзамасу, Леонтьев соединился с окольным князем Константином Щербатовым, и 30 сентября побили воров в селе Панове; но через пять дней узнали, что вору в деревне Исупове, только в 12 верстах от Арзамаса: на них пошел Щербатов и разбил; 9 октября Леонтьев разбил другую шайку, в селе Кременках; 13 октября Щербатов встретил и разбил воров по саранской дороге, в селе Пое; другой большой бой загорелся у села Мамлеева и кончился также поражением козаков.

Воровской напор на Арзамас был сдержан, и Долгорукий мог перейти к наступательным движениям. Важнее всего ему было очистить север, нижегородские места и не дать ворами Нижнего. С этой целью он отправил Щербатова и Леонтьева к Мурашкину, на самое сильное скопище, гнездо самозванства и воровских прелестей. 22 октября, не доходя пяти верст до Мурашкина, воеводы встретили воров и начали бой; вору стали отступать, вели государевых людей полторы версты и навели на главные свои полки к пушкам; тут, в трех верстах от Мурашкина, загорелся большой бой; нестройные толпы, несмотря на свою многочисленность и пушки, не выдержали натиска государевых людей и побежали, оставив победителям 21 пушку, 18 знамен и 61 пленника. Участь последних была решена немедленно у Мурашкина же: одни повешены, другим отсечены головы; победа стоила воеводам 2 человека убитыми и 48 ранеными. От Мурашкина воеводы двинулись к Лыскову: лысковцы сдались 24 октября. 28 октября воеводы-победители пришли в Нижний и остановились здесь на три дня для расправы: "В нижегородских жителях была к воровству шатость; воеводы этих воров перехватывали и велели казнить смертью: повесить около города по воротам; иным отсечь головы, других четвертовать в городе".

После этих мер Нижний стих; но уезд его еще далеко не был очищен. 10 ноября Леонтьев поразил воров под селом Ключищи и на другой же день выступил снова в поход. За Ключищами по большой дороге у воров сделана была по обе стороны засека крепкая, в длину на версту, а поперек на обе стороны по полверсте.

Леонтьев велел стрельцам приступать к засеке, а сам бился с конными людьми: вору были выгнаны из засеки: но у них оставались еще другие крепости: они перекопали всю большую Курмышскую дорогу, сделали большой ров, ко рву насып земляную высокую, по обе стороны насыпи поделали шанцы и большие дубовые надолбы: вытесненные из засеки вору в числе 4500 засели в этой крепости и учинили бой большой с государевыми людьми: здесь большая часть их была истреблена, остальные

бросились бежать к селу Маклакову и засели здесь в дворах и гумнах: государевы люди запалили село и сожгли в нем воров.

После этих успехов на севере Долгорукий нашел возможность двинуть часть войска и на юг: сюда двинулся воевода Лихарев: когда он стоял обозом в селе Веденяпине, воры напали на него в числе 5000 человек и были разбиты, потеряли 4 пушки, 16 знамен, 30 человек пленными. 19 ноября Лихарев вошел в Кадомский лес: языки сказали, что воры числом 500 человек с атаманом крестьянином Сенькою Белоусом стоят близ реки Варнавы в засеке, которая засечена в длину на три версты, а поперек на версту. Лихарев 20 ноября взял засеку и убил атамана: к ворам шло на помощь триста человек, и тех в шести верстах от засеки побили. Навстречу этому движению государевых людей двинулись воры из Саранска большими толпами к Красной слободе; но теперь вследствие успехов царских войск страх перед ворами начал исчезать: краснослободцы отсиделись; пришел черед ворами бегать из городов: как только Лихарев послал отряд к Темникову, 30 ноября, воры побежали в лес, а темниковцы лучшие люди сдались государевым людям.

Здесь, в северной части нынешней Тамбовской губернии, уже давно с успехом действовали другие царские воеводы, двигавшиеся с юга. Из Тамбова 11 октября выступил на север воевода Яков Хитрово с 2670 человеками войска, оставя в Тамбове с воеводою Пашковым 2118 человек: Пашкову казалось это мало; он сильно боялся и писал: "На тамбовцев в нынешнее смутное время надеяться не на кого, потому что у них на Дону братья, племянники и дети, а иные у Стеньки Разина". Мы видели, что воровские толпы, возмущившие нынешнюю Пензенскую губернию под начальством Мишки Харитонова и Васьки Федорова, решили овладеть Шацком. Бывшие здесь рейтарские полковники Зубов и Зыков предупредили воров и 14 октября напали на часть их, стоявшую в селе Конобееве. Воры были все побиты, два атамана попались в плен с десятью козаками. Но этот успех не отвратил опасности от Шацка, и 17 октября полковники увидали у себя гостей: под город подступили главные толпы: с одной стороны Мишка Харитонов, с другой - Васька Федоров. Воры были отбиты и принуждены отступить в заповедный лес; рейтары преследовали их сюда и побили. Но кроме этих пензенских шаек в 20 верстах от Шацка, в деревне Печинищах, образовалось новое воровское гнездо особого рода: вместе с забунтовавшими крестьянами стояли здесь тамбовские козаки и солдаты разных слобод и сел, которым было велено идти на службу в Шацкий полк и к Хитрово. Из Печенищ они перебросились в Тамбовский уезд, на Рыбную пустошь, в село Алгасово, где и стали обозом под начальством Тимофея Мещерякова, разбойничая в окрестностях и призывая к себе крестьян Рыбной пустоши. 22 октября, в тот самый день, как Щербатов и Леонтьев бились с ворами под Мурашкином, Хитрово осадил воровской обоз под Алгасовом, приступал жестокими приступами, а село велел зажечь и разорить, потому что крестьяне его сидели в воровском же обозе. На другой день, 23 октября, Мещеряков с товарищи

начали бить челом, и Хитрово привел их к присяге на том, чтоб козаки и солдаты вперед служили государю, и отпустил их в Тамбов. Но Мещеряков не пошел на службу, а стал опять наговаривать на воровство и на измену тамбовских служилых людей; многие послушались его и выбрали себе притоном село Червленое, в 20 верстах от Тамбова. И около Шацка не вдруг стало тихо: разбитые шайки Харитонова и Федорова стягивались несколько раз в разных местах: три раза еще схватывались с ними государевы люди, и только после 19 ноября Шацкий уезд успокоился.

В это время Долгорукий по прочищенному Лихаревым пути двигался к Темникову. 4 декабря за две версты от города встретили его темниковцы, духовенство и всяких чинов люди и уездных церквей священники и крестьяне с образами и крестами, били челом и говорили с великим плачем, что они у воровских людей были поневоле, воры их разоряли, а которые городские и уездные люди были с ворами заодно, тех они переловят и приведут. Долгорукий велел привести всех к присяге, и темниковцы исполнили обещание, привели попа Савву и 18 человек крестьян, которые были вместе с ворами, против государевых людей бились, бунты многие заводили, дома грабили, женскому полу поругание чинили и иных запытали до смерти; на пытке поп с товарищами признались в своих преступлениях. Потом темниковцы привели к Долгорукому вора особенного рода, *вора-еретика-старицу*. "Меня, - говорила вор-старица в расспросе, - меня зовут Аленою, родом из выездной Арзамасской слободы, крестьянская дочь, была замужем за крестьянином же, а как муж мой умер, то я постриглась и была во многих местах на воровстве и людей портила; и в нынешнем году пришла я из Арзамаса в Темников, собирала с собою на воровство многих людей и с ними воровала, стояла в Темникове на воеводском дворе с атаманом Федькою Сидоровым и учила его ведовству". Попа с товарищами повесили около Темникова, а богатыря-ведьму XVII века сожгли в срубе, как еретицу, вместе с чародейными бумагами (заговорами) и кореньями.

7 декабря Долгорукий выступил из Темникова в Красную слободу (Краснослободск) и здесь имел такую же встречу с челобитьем: приведено было 56 человек воров и после розыску повешено около города и слобод по большим дорогам. Долгорукий, таким образом, вошел в северо-западную часть нынешней Пензенской губернии, главный притон мятежа. В Москве распорядились, чтоб он остановился в Красной слободе или в Троицком остроге, в Шацк послал воеводу, ссылаясь с Хитрово и Бутурлиным и промысл чинили все заодно. Чтоб сообщить еще более единства воеводским действиям против мятежников, отозван был из Казани князь Петр Семенович Урусов, обвиняемый в медленности, и главное начальство над всеми действующими войсками поручено Долгорукому. Он получил указ отправить воеводу Панина для промыслу над Алатырем и Алатырским уездом и велеть ему сходитья с князем Юрием Никитичем Борятинским, который должен был двигаться туда же из Симбирска; а другому Борятинскому, князю Даниле, идти к Долгорукому на Ядрин и Курмыш,

очищая эти города от воровства. Указ был в точности исполнен Долгоруким.

Мы оставили князя Юрия Борятинского под Симбирском после поражения Разина. Здесь он оставался довольно долго, вероятно поджидая вестей о дальнейших замыслах Стеньки. Не ранее конца октября Борятинский двинулся по Симбирской черте и на реке Урени столкнулся с ворами, которых было тысяч восемь; они были побиты наголову; 170 человек пленных, 16 знамен и 4 пушки достались победителю. Побежденные бросились за Суру, но и там преследовали их государевы; люди, били, побрали обозы: некоторых пленных Борятинский отпустил в Корсунь и на Урень уговаривать тамошних жителей к повиновению. Средство удалось: многие уренцы в винах своих добились челом. После уренского боя Борятинский отошел в Тагаев и тут 5 ноября узнал, что донские козаки Ромашка и мурза Калка, собравши 15000 народа, стоят у реки Барыша, в Кандарате. На другой же день Борятинский выступил из Тагаева; узнав, что Усть-Уренская слобода занята воровским ертоулом, он приступил к ней и, выбивши воров, казнил пленных - заводчика попа села Никитина и других козаков. 12 ноября князь, построив три моста, перебрался через Барыш и увидал воров: они стояли за речкою Кандараткою под слободою в обозе, конные и пешие, с 12 пушками. Речка мешала схватиться, и стояли полки с полками с утра и до обеда на расстоянии меньше полуверсты; Борятинский все ждал, что воры переберутся за речку, на его сторону, но они не двигались. Князь начал искать удобных мест, нашел и велел пехоте с обозом и пушками наступать на воров, а сам с конницею перенравился через речку, наметавши в нее сена. Пехота схватилась с пехотой, конница с конницей, и государевы люди одолели, взяли 11 пушек, 24 знамени; воры побежали врознь разными дорогами, их преследовали: побито было воров такое множество, что на поле, в обозе и на улицах в слободе между трупами нельзя было конному проехать. пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи текут. Победители потеряли 13 человек убитыми, раненых оказалось 108. 323 пленных были приведены к воеводе: он велел посечь заводчиков, остальных, приведя к присяге, отпустил и пошел к реке Суре. И вот с того берега начали показываться толпы, но то были не вооруженные воры, а челобитчики из деревень Алатырского и Саранского уездов, с образами: *плач неутешимая*, обещания, что ни к каким воровским прелестям вперед приставать не будут. 17 ноября выступила толпа огромная: строитель Алатырского монастыря, священники с образами, посадские люди, стрельцы, пушкари, козаки - все со слезами принесли свои вины, били челом, чтоб князь или сам шел в Алатырь, или воеводу прислал. Борятинский отпустил к ним воеводу Шилникова с стрельцами и солдатами, а сам пошел по черте к Корсуню и остановился в мордовской деревне Котякове: тут явились челобитчики из Корсуни, Корсунова и Талского. Борятинский удовольствовался этим и поспешил в Алатырь, боясь, чтоб воры, собравшись, не заняли этого важного места. Он пришел туда 23 ноября и сделал острог.

Опасения Борятинского не были напрасны: в начале декабря воровские атаманы: мурза Калка, Алешка Савельев, Янка Никитинский, Ивашка Маленький, Петрушка Леонтьев, собрав последние силы, двинулись к Алатырю. Но об этом движении проведал воевода Василий Панин, отправленный, как мы видели, для соединения с Борятинским. Панин поспешил наперерез ворами, встретил их недалеко от мордовской деревни Баевой, вступил в бой, побил их, взял десять знамен, пушку, много пленных и вогнал бегущих в обоз, находившийся в селе Тургеневе, но обоза взять не мог и ночью отступил с версту, к деревне Баевой. В эту же самую ночь явился в Баеву и князь Юрий Борятинский с конными и пешими людьми. На другой день, 8 декабря, рано, оба воеводы отправились к Тургеневу на воровские обозы, взяли их приступом и секли бегущих на пятнадцати верстах, добыли три пушки медных, три бочки пороху, 8 знамен, воз фитилю, тридцать семь мушкетов.

Думая, что опасность, грозившая Алатырю, исчезла, 11 декабря Борятинский и Панин двумя дорогами выступили под Саранск: Борятинский шел прямою дорогою, Панин подле Сурского леса. До самого Атемара, куда воеводы пришли 16 декабря, они не встречали никакого сопротивления, встретили только русских крестьян, татар и мордву, бивших челом о пощаде. Русские шли к присяге, татары и мордва давали шерт по своей вере и указывали места, где укрывались раненые, получившие эти раны на воровских боях с государевыми людьми: их казнили смертью; в Атемаре были повешены старшины и есаулы, бывшие с воровскими козаками. В то же время Долгорукий из Красной слободы отправил уже известного нам воеводу князя Константина Щербатого для очистки пензенских мест, где прежде всего утвердились мятежники. Щербатов поразил воров 12 декабря за восемь верст от Троицкого острога и потом выгнал их из Троицкого острога; оба Ломовы и Пенза сдались без сопротивления. С другой стороны, из Шацка, туда же, по направлению к юго-востоку, шел воевода Яков Хитрово, шел на воровские засеки через большой лес; в деревне Ачадове он должен был выдержать с ворами самый упорный бой: "Полковник Денис Швыйковский с своею смоленскою, бельскою и рославскою шляхтою приступали к деревне жестокими приступами, не щадя голов своих, приезжали к воровскому обозу, на воровских людей на пику, пику секли и обоз ломали; много шляхты было переранено тяжелыми ранами, пробиты насквозь пиками и рогатинами, иные из пищалей и луков прострелены". Наконец воры увидели невозможность держаться долее и сдались. Хитрово распустил их, и они, пришедши в Керенск, напугали его жителей рассказами про шляхетские жестокие напуски. Следствием было то, что керенчане вышли навстречу к Швыйковскому и впустили его в город. Хитрово в донесении государю не может нахвалиться храбростью Швыйковского и шляхты его полка.

Но когда внимание Долгорукого было сосредоточено на военных действиях, происходивших к югу от его главной стоянки, Красной слободы, бунт отпрыгнул на северо-востоке: защитник Симбирска

окольный Иван Богданович Милославский, приехав из Симбирска в Москву, дал знать, что на дороге между Арзамасом и Алатырем приходили на него многие воровские люди с нарядом. Против них двинулся воевода Леонтьев, разбил их в Алатырском уезде у села Апраксина, и, как обыкновенно бывало, разбитые бросились в лес, в свои засеки, расположенные под деревнею Селищами; здесь сидели они с женами, детьми и со всем воровским обозом. Засеки были взяты; пленные рассказывали, что было их в сборе больше 3000 русских людей и мордвы, собирались идти к Арзамасу и к Нижнему. Отряд из 500 воров стоял в мордовской деревне Андреевке; узнав о селищевском поражении своих, они добились челом. Бежавшая с бою мордва спряталась в своих деревнях: Леонтьев велел сжечь эти деревни. Арзамасский и Алатырский уезды были успокоены.

Далее на востоке для усмирения черемисы и чуваш, волновавшихся вместе с русскими ворами по нагорному берегу Волги, для очистки Свияжска, Цивильска, Чебоксар, Кузьмодемьянска и других городов еще с половины октября действовал князь Данила Борятинский: в продолжение октября он разбил воров на осьми боях, выручил Цивильск, Чебоксары и, приблизившись к Кузьмодемьянску, 2 ноября написал к его жителям, чтоб добились челом государю. Ответа не было. 3-го числа воевода подошел еще ближе к городу и увидал, что идут священники с крестами, но подле духовенства не было никого из других чинов; священники объявили, что городские и уездные люди, выпустив их, священников из города с крестами, заперли за ними город с угрозою, что порубят их жен и детей, пушки и всякое оружие против государевых людей у воров приготовлено. Борятинский немедленно велел солдатам и стрельцам идти на приступ; приступ удался: воры были перебиты и побраны в плен, между прочими и воровские старшины - посадский Шуст да соборный поп Федоров. Васильгород, узнав о судьбе Кузьмодемьянска, прислал повинную. В Кузьмодемьянске Борятинский остановился для розыску: 60 человек пущих воров казнено смертию, у сотни отсечены руки или по пальцу у правой руки, 400 биты кнутом нещадно. Но строгости и увещания мало помогли: черемиса нагорной стороны Кузьмодемьянского уезда вся воровала с воровскими козаками: дадут шерт и тотчас же опять заворуют, бьются с государевыми людьми: русские вору собрались в Ядрище. Борятинский послал уговаривать их монаха Герасима и посадского Тихонова: монах был сброшен с башни, посадский положен на огонь. Воры были так смелы, что не хотели ждать прихода на себя государевых людей: в половине ноября напали в числе 13000 на Кузьмодемьянск и зажгли слободы, но потерпели сильное поражение, потеряли две пушки и семь знамен. После этой победы Борятинский послал в Василь за подводами, чтоб везти пушки под Ядрин; вору, засевавшие здесь, испугались и бежали. Ядринцы присягнули государю, курмышане последовали их примеру. На Ветлуге бунт не распространился: там прикащики разных поместий и вотчин и без государевых воевод управились с воровскою шайкою. Другая шайка перебросилась было на Унжу, но изгибла неизвестно как. К январю

1671 года восточная Украина утихла. Мятеж вспыхивал и во многих местах южной Украины, но не разгорался: главного заводчика не было.

Под Симбирском Стенька потерял и силы и власть. Он так растерялся, что, прибежав на Самару, стал рассказывать жителям Самары, как пушки у него не стали стрелять и оттого он бежал на юг. Сам богатырь-чародей признался, что сверхъестественная его сила оставила и самарцы не пустили его к себе в город. Саратовцы сделали то же самое. Пока еще Стенька был силен и держал Симбирск в осаде, сторона его на Дону держала верх и не давала Корнилу Яковлеву с товарищами высказаться в пользу государства. В сентябре приехал в Черкасск из Москвы донской козак Артемий Михайлов с товарищами, привез царскую грамоту. Собрался круг, и, когда грамоту вычли, Корнило Яковлев начал говорить: "Мы от веры христианской и от соборной церкви отступили: пора нам успокоиться, дурость отложить и великому государю служить по-прежнему". Трижды со слезами повторял он эти речи козакам в кругу, и решили не порывать сношений с Москвою. отпустить туда станицу; но волжские козаки закричали: "Зачем посылать станицу в Москву, разве захотел в воду, кто поедет?" Потом, обратись к приехавшим из Москвы козакам, закричали: "А вы зачем из Валук вожу и провожатых брали? будто вы сами дороги не знаете? знатное дело: отпущены вожу и провожатые для проводывания вестей!"

Но когда пришли вести, что Разин разбит государевыми людьми, когда он сам явился на Дону с подтверждением этого известия, то дела переменились: старые козаки взяли верх. Стенька свирепствовал, жег попадавшихся ему врагов в печи вместо дров, но ничто не помогало; Дон не поднимался на его защиту. В феврале 1671 года он подошел было с своею шайкою к Черкасску, но его не пустили; он отошел с угрозою, что возвратится и изведет всех, и засел в Кагальницком городке. А между тем Корнило Яковлев сносился с Москвою, как бы промыслить над Стенькою: в Москве в неделю православия прокричали анафему Стеньке Разину и велели старому нашему знакомому, стольнику Касогову, привыкшему жить между козаками, двинуться на Дон с тысячею человек выборных рейтар и драгун. Дело покончилось скорее, чем ждали: 14 апреля старые козаки подступили к Кагальницкому, сожгли городок, схватили Стеньку с братом Фролом, сообщников его перевешали. 6 июня Стеньку после обычного допроса четвертовали в Москве.

Оставалось покончить с Астраханью. Мы видели, что Разин, уезжая, оставил здесь вместо себя атамана Ваську Уса и объявил астраханцам, что они могут управиться сами с остальными своими лиходеями. Астраханцы не долго медлили: 3 августа бунт, порубили бердышами подьячих Якова Трофимова и Ивана Бесчастного с товарищами, одних в сугон, других в домах, иных в тюрьмах; прибежали на митрополичий двор, начали искать здесь государева дворцового промышленника Ивана Турчанина, не нашли и напустились на митрополита и на его домовых людей, зачем спрятали

Турчанина, грозились всех побить до смерти, ругали Иосифа скверными словами. "Ты угрождаешь боярам, - кричали они ему, - только тебе у нас не уцелеть!" На этот раз митрополит спасся, что предсказано ему было и в сонном видении: видел он "палату вельми чудну и украшенну, сидят в ней трое убиенных князей Прозоровских и пьют питье сладкое паче меда, над ними венцы златы с драгим и многоценным камением; и он, митрополит, обретется в той же палате, токмо от них подале сидел, и питья своего ему не дали пить, глаголюще: он к нам еще не поспел". Рассказывая этот сон, митрополит плакал и говорил: "Еще не пришел час мой смертный!"

Начали ходить слухи, что Стеньке плохо, разбит под Симбирском и бежал; но бунт кипел еще на восточной украине, царские воеводы еще были заняты там, и воровские козаки не отчаивались. 2 ноября явился к митрополиту татарин и подал царскую грамоту, в которой государь увещевал астраханцев принести повинную. Митрополит велел списать несколько списков с грамоты и распорядился так: ключаря своего Негодяева и Вознесенского игумена Сильвестра отправил к есаулу Лебедеву (на которого, как видно, больше надеялся, чем на атамана Уса) убедить его, чтоб уговаривал своих воровских козаков отстать от воровства, а сам хотел увещевать народ в церкви. Но Лебедев, выслушав игумена и ключаря, "учинился неистов и на другой день поутру начал являть козакам, что митрополит со властями, с попами и дворовыми детьми боярскими складывает у себя грамоты, хочет нас всех отдать боярам руками". Козаки стали собираться на двор к атаману своему, Усу, туда же собирались и приставшие к ним астраханцы, а между тем гудел большой колокол, и народ толпился у соборной церкви. Пришел митрополит, велел ключарю облачиться и прочесть подлинную государеву грамоту вслух перед всем народом; в это время подошли с атаманова двора и козаки с окозачившимися астраханцами и также слушали грамоту. Ключарь кончил чтение и отдал грамоту митрополиту, но тут козаки бросились к последнему и вырвали у него из рук грамоту. Раздраженный таким бесчинством, Иосиф начал бранить Козаков, называл их еретиками, изменниками; те не остались безответными, начали ругать митрополита позорными словами, кричали: "Чернец! знал бы ты свою келью! что тебе до нас за дело? знаешь ли ты раскат?" "Посадить его в воду!" - раздавалось в одном месте. "Послать в заточение!" - в другом. Однако ни одна из угроз не была исполнена: козаки с государевою грамотою отошли к своему воровскому атаману. За митрополита поплатился ключарь: на другой день козаки схватили его, связали и били палками, допрашивали: "Скажи, кто ту грамоту писал? вы с митрополитом, попами и детьми боярскими ее здесь сложили?" "Государева грамота прямая, - отвечал ключарь, - прислана из Москвы". "А есть ли с нее список? - спрашивали воры. Ключарь, не стерпя палок, сказал, что списки есть. Явился к митрополиту есаул и с нечестью отобрал у него списки.

Слухи все приходили хуже и хуже для козаков: бунт улегался на восточной украине, и вот в апреле пришла страшная весть - Разин взят старыми

козаками в Кагальницком. Воры переполошились, но еще не потеряли всей надежды; решили, чтоб одна шайка с атаманом Федором Шелудяком отправилась вверх по Волге к Симбирску; Васька Ус по-прежнему оставался в Астрахани.

Здесь 21 апреля, в великую пятницу, митрополиту дали знать, что юртовские татары привезли из Москвы новую государеву грамоту и стоят за Волгою; Иосиф тотчас послал к новоучрежденным воровским астраханским старшинам, чтоб пришли к нему на совет. Посланный возвратился с ответом, что старшины нейдут, а стоят на базаре. Тогда митрополит пошел сам на базар и стал говорить пароду: "Православные христиане! ведомо мне учинилось, что есть к вам великого государя милость, призывная грамота, привезли татары, стоят они за Волгою; я государевой грамоты принять не смею, потому что вы меня и первую грамотою поклепали, будто я ее со властями и с попами складывал и писал дома; так вы теперь ступайте, возьмите грамоту сами и привезите ее ко мне; а великий государь-свет милостив, вины вам отдаст". Митрополиту отвечали старшины: "Мы не смеем без атамана Васьки Уса" - и пошли к атаману, а митрополит в собор. Тут подошел к нему Васька Ус с есаулом Топорком: Топорок начал бранить митрополита; тот рассердился и кинулся на него с посохом: "Враг ты окаянный, еретик и богоотступник! Что вы не повинуетесь великому государю?" Пошумев у собора, козаки пошли прочь, ругаясь скверными словами.

На другой день, в великую субботу, воры несколько раз присылали к митрополиту есаулов, чтоб отдал государевы грамоты. "А если не отдашь, - говорили есаулы, - всех твоих людей побьем, и самому тебе достанется!" "Государевы грамоты за Волгою у татар, - отвечал Иосиф, - пошлите за ними кого хотите". Наконец за грамотами послали: их привезли прямо в соборную церковь, где митрополит распечатал их при Ваське Усе с товарищами: но когда Иосиф хотел их читать, козаки повернулись и вышли из церкви в свой круг; митрополит пошел за ними в круг с священниками, домовыми детьми боярскими и дворовыми людьми и велел в кругу читать грамоты. Но когда чтение кончилось, козаки закричали: "Вольно писать им боярам и самим; если б была государева грамота, то была бы за красною печатью; ее митрополит сам сложил со властями и с попами; тужит по нем раскат; еще того раскату осталось; не те дни теперь захватили, а то бы он, митрополит, узнал у нас, как атаманы-молодцы смуту чинят: вся смута и беда от него, митрополита: он переписывается с московскими боярами, с Терекком и Доном; по его письму Терек и Дон от нас отложились. Несмотря на эти крики, митрополит обратился к астраханцам: "Астраханские жители! велено по грамоте великого государя воров донских всех перехватать и посадить в тюрьму до указа, а вам велено во всем вины свои принести: он, государь-свет, милостив, вины ваши отдаст; вы то все положите на мне. что великий государь вас, окаянных, ничем не велит тронуть". "Кого нам хватать и сажать в тюрьму, - закричали в ответ, - мы все воры; возьмите

его, митрополита, и посадите в тюрьму или в каменную будку; счастье твое, что пристигла Святая неделя, а то мы бы тебе дали память!"

Велик день помешал преступлению; но оно было неминуемо: враги стояли лицом к лицу; Иосиф высказался окончательно; на его призыв броситься на воров и посадить их в тюрьмы астраханцы не двинулись, но не нынче-завтра могли двинуться; в городе была власть, начальник человек, и этот человек прямо, открыто действовал против воров, вооруженный крестом и грамотою великого государя.

Только что прошла Святая неделя, в Фомино воскресенье козаки принялись за врагов своих; опять привели в круг несчастного ключаря и спрашивали, кто сочинял и писал грамоты? "Вы сами знаете, что они не здесь сочинены, - отвечал ключарь, - сами вы взяли их у татар". Ключаря повели за город и срубили. Схватили митрополичьих детей боярских и повели их пытаться; но в кругу слышались голоса: "Что их пытаться, или рубить, или казнить? их казним, а после них у митрополита другие будут писцы; пора нам приниматься за самого митрополита: его убьем, так в городе у нас смуты не будет". Детей боярских сперва посадили за крепкий караул, но потом выпустили. Поджигали себя, чтоб убить митрополита, но дело было страшное, не решались; нужна была сильная поджога, и она явилась.

Шелудяк плыл к Симбирску с тяжелою думою: это была последняя попытка, и что если она не удастся? Астрахань оставалась последним убежищем; но ее нужно было очистить от врагов, а то, пожалуй, прибегут к Астрахани, а там и ворота для них заперты. Шелудяк на дороге созвал круг, и приговорили: убить митрополита Иосифа и воеводу князя Семена Львова; чтоб заставить товарищей поднять руки на архиерея, послали сказать Усу, что Иосиф и князь Семен ссылаются с донскими козаками, по их письму Разин пойман и всякое зло промышляется над его товарищами.

11 мая Иосиф был за проскомидиею в соборе, когда воры пришли звать его к себе в круг. "Добро, - отвечал митрополит, - вот я облачусь во всю святительскую одежду" - и пошел в алтарь облачаться, а воры дожидались на паперти; показалось им долго; начали говорить: "Что это, митрополит с попами не заперся ли в алтаре? мы пойдем в круг и, возвратясь, нечестью вытащим из церкви". Митрополит облачился и велел благовестить в большой колокол, чтоб собирались священники идти с ним вместе в круг. Войдя в круг в полном облачении, с крестом в руках, Иосиф спросил Уса: "Зачем вы меня призвали, воры и клятвопреступники?" Ус обратился к козаку, приехавшему от Шелудяка: "Что ты стал, выступайся! с чем приехал от войска - говори теперь!" Козак начал говорить митрополиту: "Прислан я от войска с речами, что ты воровски переписываешься с Терекком и Доном и по твоему письму Терек и Дон отложились от нас". "Я с ними не переписывался, - отвечал Иосиф, - а хотя бы и переписывался, так ведь это не с Крымом и не с Литвою; я и вам говорю, чтоб и вы от воровства отстали и великому государю вины свои принесли". Ответ

сильно не понравился. "Что он таит свое воровство, что не переписывался будто? - закричали в кругу, - какой он правый человек! что он пришел в круг с крестом? мы ведь и сами христиане, а ты будто пришел к иноверным". Крикуны начали уже выходить из круга, чтоб снять с митрополита облачение; но тут из толпы рванулся донской козак Мирон: "Что вы, братцы, на такой великий сан хотите руки поднять? нам к такому великому сану и прикоснуться нельзя". В ответ козак Алешка Грузинкин кинулся на Мирона. схватил его за волосы, другие воры пристали к Грузинкину, начали Мирона колоть, рубить, вытащили за круг и убили. Мирона убили, но слова его произвели впечатление: точно, показалось страшно дотронуться до архиерейского облачения, и козаки начали приступать к священникам, толкать и бранить их скаредною бранью: "Снимайте с митрополита сан! он снимал же и с Никона-патриарха сан". Иосиф сам снял с себя митру, панагию и, обратившись к протодиакону, сказал: "Что же ты стал, не разоблачаешь? уже пришел час мой!" Протодиакон в ужасе снял омофор, снял саккос. Тут козакст выбили все духовенство из круга, крича: "До вас дела нет!", и повели Иосифа пытать на пороховой двор. Митрополита положили на огонь и спрашивали: "Откажи свое воровство, как ты переписывался?" Иосиф не отвечал ни слова, только творил молитву и проклинал палача. Спросили о казне: Иосиф объявил, что у него только 150 рублей, а поклажи ничьей нет. После пытки митрополита повели на казнь, на раскат: проходя тем местом, где лежал еще труп убитого за него Мирона, Иосиф осенил его и поклонился. Взвели на раскат, посадили на край и хотели сринуть: Иосиф испугался последней минуты, ухватился за козака и поволок было его с собою; тогда воры положили его на бок на краю раската и столкнули. Это были самые отчаянные воры, которые работали на раскате, Алешка Грузинкин с немногими товарищами. Самая деятельность поддерживала их ожесточение, их опьянение. Но с другим чувством стояло большинство воров внизу, подле раската; их страх увеличивался все более и более с приближением дела к развязке, и, когда наконец тело Иосифа ударилось об землю, козакам послышался страшный стук: они обомлели и минут с двадцать стояли в глубоком молчании, повеся головы. Потом опохмелились пыткой и казнию воеводы князя Семена Львова.

Наказ Шелудяка был исполнен: Астрахань очищена от опасных людей. На другой день после убийства Иосифа и князя Львова воры написали запись и силою заставили духовенство приложить к ней руки за себя и за детей духовных: обязывались стоять против бояр и изменников и умирать друг за друга. Но запись не помогла. Федька Шелудяк в июне доплыл до Симбирска, но это важное место успели уже защитить: здесь сидел старый наш знакомый, перебравшийся, подобно другим воеводам, с запада на восток, боярин Петр Васильевич Шереметев. Воры были отбиты и завели переписку с Шереметевым, обещаясь принести повинную: Шереметев отвечал им, что пошлет к великому государю за указом, воры отступили в Самару дожидаться этого указа. Этот поступок Шереметева с шайкою воров, более не опасною, не понравился в Москве, особенно когда там

прочли подлинные воровские грамоты к воеводе. В Симбирск явился стольник князь Волконский с похвалою Шереметеву за его подвиги против воров и вместе с выговором: "Ты прислал к великому государю воровские письма, но писаны они не так, как виновные добивают челом и милости просят; да они же. воры, написали, будто у великого государя есть бояре-изменники: князь Юрий Алексеевич Долгорукий и Богдан Матвеевич Хитрово; написали и другие многие затейные дела. Ты на их воровские письма писал к ним памяти, где в начале писано: по указу великого государя, и иное многое писано в тех памятях, чего к ним, ворами, писать не довелось, и печатаны памяти печатью Симбирского города. Тебе, боярину, с такими ворами переписываться не довелось; а у великого государя бояре-изменников никого нет, служат великому государю верно. Ты пишешь, что воры пошли на Самару и ждут там государева указа: и то знатно, что своими письмами воров остановили и учинили это не гораздо".

Воры, видя, что милостивой царской грамоты к ним не приходит, разбежались с Самары каждый в свой город, а Федька Шелудяк с астраханцами поплыл в Астрахань, где принял главное начальство после Уса, умершего червивою болезнью. Но следом плыли к Астрахани государевы люди с воеводою боярином Иваном Богдановичем Милославским. В конце августа суда Милославского показались в виду Астрахани: воры отправились было против него на стругах, чтоб не пропустить к городу: но боярин отбил их, пристал к берегу и построил себе земляной город на устье реки Болды. Отсюда несколько раз посылал он уговаривать астраханцев и донских козаков к сдаче, обещая государеву милость; "они же, яко дикие зверие, ни мало внимаху". Козаки не ограничились только обороною: атаман Алешка Каторжный стал со своим отрядом на нагорной стороне, чтоб мешать сообщению Милославского с Верхом, козаки решились напасть даже на самый стан Милославского, но были отбиты. 12 сентября боярин велел сделать земляной городок и на нагорной стороне, на речке Соленой, против своего стана, Шелудяк и Каторжный немедленно напали на новый городок, но были поражены наголову.

Три месяца после того стоял Милославский под Астраханью; воры не предпринимали более наступательных движений, но и не сдавались. На помощь к Милославскому явился черкесский князь Каспулат Муцалович и осадил Астрахань с другой стороны. Милославский, чтоб иметь более возможности к увещаниям, позволил астраханцам свободный вход в свой стан для переговоров; каждый день являлись они к нему пьяные и говорили всякие речи; боярин отвечал всегда мягко, уговаривая взыскать милость великого государя. Наконец в Астрахани обнаружилось разделение между закоренелыми ворами, которые не хотели сдаваться, и между умеренными, желавшими принести вины свои. Последние, убегая насильем от противной стороны, начали перебегать в полки государевы: боярин принимал их ласково, приказывал кормить и поить, Воры в злобе на этих перебежчиков кричали, что побьют вдов, оставшихся от прежде побитых ими, побьют

остальных детей боярских, подьячих и митрополичьих людей; но время их явно проходило, у них уже недоставало ни силы, ни смелости для новых преступлений. Сам Федька Шелудяк истребил *единачную* запись, составленную на другой день по смерти митрополита Иосифа. Князю Каспулату Муцаловичу удалось как-то выманить к себе Шелудяка и задержать. Сильное волнение началось в Астрахани, когда узнали, что Шелудяк в руках у государевых людей. Кончилось тем, что 26 ноября астраханцы дали знать Милославскому о своей покорности.

27 ноября по вновь наведенному мосту на реке Кутуме двинулись государевы полки в покорившийся город: впереди шли священники с молебным пением, несли икону богородицы "Живоносный источник в чудесех", данную Милославскому при отпуске государем, по обычаю. Астраханцы вышли навстречу и, увидав икону, пали на землю и завопили, чтоб государь отдал им вины, как милосердый бог грешников прощает. "Вины всем отданы, - отвечал Милославский, - и вы государскою милостию уволены". Воевода прямо отправился в собор к молебну; с иконы "Живоносного источника" велел списать новую и оставить в соборе на память будущим родам. По стенам и воротам стали сотники и стрельцы московские.

Как некогда во Пскове в подобных же обстоятельствах, так теперь и в Астрахани никого не тронули. Сам Федька Шелудяк жил на свободе на воеводском дворе; другие заводчики бунта также оставались без наказания, поплатившись только награбленным добром в пользу воеводы и приказных людей; даже Алешка Грузинкин, задарив последних, получил отпуск из Астрахани; другие воры закабалились в холопы воеводе и приказным людям. Но когда все совершенно успокоилось, летом 1672 года явился в Астрахань князь Яков Одоевский для суда и расправы: главные заводчики - Федька Шелудяк, Алешка Грузинкин, Феофилка Колокольников, Красулин были повешены; Корнилко Семенов, у которого нашли заговоры, сожжен как еретик; другие отправлены на службу в верховые города.

Государство, сосредоточив свои силы на восточной Украине, отправив туда лучших воевод, задавило бунт в продолжение 1670 и 1671 года. Соловецкое возмущение не казалось опасным, силы, туда отправляемые, были ничтожны, воеводы плохи, и потому Соловецкий монастырь держался против царского войска семь лет с лишком. Мы видели, что в 1668 году отправлен был туда стряпчий Игнатий Волохов с отрядом стрельцов; архимандрит Иосиф, не принятый в монастыре, жил в Сумском остроге и заведовал всеми соловецкими вотчинами - Сумским острогом, Кемским городком и 22 усольями. В январе 1669 года Волохов по государеву указу отправил в монастырь стрельца с увещанием обратиться; стрелец принес ответ: "У нас одно положено, что по новым книгам петь и служить отнюдь не хотим; на том мы в монастыре и сели, что помереть, и если Волохов вперед к нам пришлет, то мы его посланца в тюрьму засадим". Волохов не предпринимал ничего против монастыря, а завел

ссору с архимандритом Иосифом, доносил на него в Москву, что он вместе с монахом Кириллом только и любят тех, у которых в монастыре братья и племянники воруют, что брат бунтовщика попа Матюшки дьячок Ивашка Евстратьев живет у архимандрита в келье, и с монахом Кириллом всякие письма тайно пишут и посылают. "Надобно думать, - писал Волохов, - что в архимандрите к тебе, государю, мало правды: за ваше здоровье в навечерии Рождества Христова бога не молил и дьякона возглашать не заставлял, и говорком псаломщик не говорил: за это я на архимандрита шумел; на 12-е число февраля, на Алексея-митрополита и на ангел царевича Алексея Алексеевича свадьбы венчали. Сказывал мне поповский староста, Унежемского усолья поп Василий, как ездил он по соловецким вотчинам, то заметил, что за ваше здоровье на великом выходе бога не молят, в церквах говорят не единогласно и пение поют на наречное. Хотел я ехать в Кемский городок, потому что кемские люди соловецким ворами радеют, и архимандрит мне подвод не дал... Архимандрит Иосиф и по усольям старцы все бражники; чернецы и служки ходят на волость пьяные и государевы запасы на воровство приносят бабам". Архимандрит Иосиф, с своей стороны, писал, что Волохов над соловецкими мятежниками промыслу никакого не чинит, сам на море не ездит и стрельцов не посылает, живет в Сумском остроге и, приметываясь к монастырским служкам и крестьянам, чинит налоги для своей корысти, бьет батогами безвинно, в цепях и железах держит многие дни, хвалится архимандрита великому государю огласить напрасно: монастырских крестьян, едущих к Архангельску, велит задерживать и берет с них деньги за пропуск. На Волохова же писали сотники московских стрельцов Чадуев и Молчанов, обвиняя его в нерадении и трусости.

Наконец вражда между Волоховым и архимандритом дошла до того, что 16 марта 1672 года Волохов пришел в церковь и во время херувимской, перед самым выходом, схватил архимандрита, бил по щекам, драл за бороду и начал толкать в шею; стрельцы подхватили Иосифа, выволокли из церкви с ругательствами и посадили в тюрьму, где он сидел на большой цепи со стулом. Давая знать в Москву о посажении Иосифа на съезжий двор *за караулом*. Волохов объяснил дело таким образом, что 15 марта явились к нему все монахи, кроме троих, живущих в келье у архимандрита, и объявили, что Иосиф в Сумском заводит бунт и воровство такое же, что в Соловецком, хочет его, Волохова, сотников и стрельцов бить.

Разумеется, немедленно была отправлена грамота в Сумской - освободить архимандрита; Волохову очень это не понравилось, он начал было говорить, что грамота прислана воровски, однако делать нечего, 2 мая выпустил Иосифа из тюрьмы. Оба, и Волохов и архимандрит, были вызваны в Москву для суда, вызваны были и старцы, донесшие на архимандрита. Против обвинений в нерадении Волохов оправдывался, что он к монастырю на море не ходил и стрельцов не посылал за малолюдством, а в Кемском городке заставу постановил, чтоб монастырские крестьяне в монастырь запасов не провозили. Но к чему

служила эта застава, когда выходцы сказывали, что в монастыре хлебных запасов и соли будет на 15 лет? К чему служила кемская застава, когда во все лето 1671 года Анзерской пустыни чернец Варфоломей и Двинского уезда старец Никандр и с берегов всякие люди провозили в монастырь рыбу, масло, всякие товары и, между прочим, 15 бочек красного вина? Архимандрит Иосиф показал, что Волохов принял в Сумской острог бегуна чернеца Германа и, восприняв на себя архиерейскую честь, память ему дал, велел ему обедню служить и духовным отцом себе сделал, приказал ведать прочих священников во всем, а Герман пьянским обычаем благословлял народ обеими руками, как митрополит. Волохов не запирался, что дал память по Германову челобитью и по свидетельству соловецких монахов, знавших этого монаха. Но сам Герман показал, что Волохов велел ему служить насильно и сажал его в цепь, принуждая взять память. Герман вместе с тем показал и на Иосифа, что к нему присылают из Соловецкого монастыря деньги, а он посылает в монастырь запасы и говорил ему, Герману: "По новоисправленным служебникам я не служил и вперед служить не хочу, по этим книгам не устоит, будет все по-прежнему". Иосиф отвечал, что ничего подобного он не говорил Герману. Что же касается до показания монахов о бунте Иосифа, то монахи эти объявили в Москве: "Когда у архимандрита с Волоховым учинилась вражда, то архимандрит посылал нас к Волохову говорить, чтоб он пожил смирением; но Волохов взял нас с собою в съезжую избу, велел подьячему написать сказки на архимандрита в бунте, как ему годно, и поневоле велел нам приложить руки".

Иосиф был переведен в казанский Спасский монастырь; не знаем, что сделали с Волоховым, только на его место в июне месяце 1672 года отправлен был стрелецкий голова Клементий Иевлев. 2 августа Иевлев с 725 стрельцами отправился на Соловецкие острова и, пришед в Глубокою губу, послал к мятежникам письмо, чтоб добились челом и впустили его в монастырь; но мятежники отказали ему с великим невежеством. Получив такой отказ, Иевлев отправился под монастырь, пожег около него хоромное строенье, амбары, лодки, карбасы, сено и дрова, разорил рыбные и звериные ловли, побил лошадей и ушел в Сумской острог, хвалясь тем, что государевых ратных людей отвел в целости, только было ранено два человека; предпринять против монастыря что-нибудь важное Иевлев не мог, потому что у служилых людей пороху и свинцу не стало, не было этих запасов и в Сумском. Иевлев был также отозван в Москву в 1673 году, и осада поручена была воеводе Ивану Мещеринову. У него было 700 стрельцов и, что всего важнее, стенобитные орудия. Мещеринов начал было действовать решительно в 1674 году, окопал свое войско шанцами, устроил городки и открыл с них пальбу против монастыря; но когда в октябре начались холода, он снял осаду, разорил все свои укрепления и по примеру предшественников ушел зимовать в Сумской. В монастыре при обороне сильнее всех действовали старый заводчик, архимандрит Никанор, служка Бородин, келарь Нафанаил Тучин, городничий старец Протасий, из мирян сотники: Исачко Воронин да кемлянин Самко. Никанор ходил

беспреданно по башням, кадил пушки, кропил их водою и приговаривал: "Матушки мои галаночки! надежда у нас на вас, вы нас обороните!" "Стреляйте, стреляйте! - кричал беспреданно Никанор. - Смотрите хорошенько в трубки, где воевода; в него и стреляйте: как поразим пастыря, ратные люди разойдутся, аки овцы". Но между осажденными была постоянно рознь. Мы видели, что монахи, стоя горячо за предания чудотворцев, как они выражались, не хотели, однако, порвать с правительством и на вопрос архимандрита Иосифа: царь православен ли, отвечали утвердительно; даже главный оратор старообрядства, Геронтий, не одобрял стрельбы в государевых людей. Таким образом, двое главных заводчиков восстания разошлись. Но на стороне Никанора были начальники ратных людей, сотники Воронин и Самко; эти не только считали позволительным стрелять в государевых людей, но требовали от священников, чтоб перестали молиться за государя. "Молитесь за преосвященных митрополитов и за всех православных христиан!" - говорили они священникам, а про государя говорили такие слова, что "не только написать, но и помыслить страшно". Видя, что по их не делается, воры схватили четырех монахов, главных своих противников, в том числе и Геронтия. 16 сентября созвали собор и объявили келарю, что служить больше не будут и ружье на стену положили, потому что священники их не слушаются, молятся за государя, а они этих молитв слышать не хотят. Келарь стал им бить челом, и они умилились, взяли снова оружие, но объявили священников еретиками, перестали ходить в церковь, исповедовались друг у друга, а не у отцов духовных, завели содомию, начали расхищать монастырскую казну. Геронтий с товарищами были выпущены из тюрьмы, но принуждены были оставить монастырь и явились к Мещеринову. Геронтий остался верен своим убеждениям и объявил в допросе: "Перед великим государем я во всем виноват: я за него всегда бога молил, теперь молю и вперед молить должен: апостольскому и св. отец преданию последую: а новоисправленных печатных книг, без свидетельства с древними харатейными, слушать и тремя перстами крест на себе воображать сумнительно мне, боюсь страшного суда божия!"

Большая часть священников оставила монастырь: тогда воры приговорили между собою крест целовать, что им стоять и биться против государевых людей, за сотников и помереть всем заодно: но когда начали целовать крест, то оказалось много нежелающих, а двое оставшихся священников прямо отказали и церковной службе. Но Никанор не унывал. "Мы, - кричал он, - и без священников проживем, в церкви часы станем говорить, а священники нам не нужны!"

В конце мая 1675 года Мещеринов опять явился под монастырем со 185 стрельцами. В августе пришло к нему еще около 800 стрельцов двинских и холмогорских. На этот раз воевода не пошел, 110 обычаю, зимовать в Сумской, но остался под монастырем. Попытка взять его приступом 23 декабря не удалась: но перебежчик монах Феоктист указал Мещеринову отверстие в стене, легко закладенное камнями. Ночью на 22 января, в

сильную метель и бурю, Феоктист повел стрельцов к отверстию; камни были выломаны, и перед рассветом стрельцы были уже в монастыре; осажденные, ничего не подозревая, разошлись уже спать, часовые стояли по башням, и стрельцы могли на свободе сбить замки и отворить ворота, в которые и вошел Мещеринов с остальными стрельцами. Защитники монастыря проснулись уже слишком поздно: некоторые из них бросились было на стрельцов с оружием в руках, но сгибли в неравном бое; заводчики Никанор, Самко были схвачены и казнены, другие разсланы в Кольский и Пустозерский остроги; те же, которые объявили, что повинуются государю и церкви, прощены и остались жить в монастыре.